

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

КАИЛА

Ольга Брагина

ФООНОВЫЙ СВЕТ

Каяла
Киев, 2018

УДК 821.161.1(477)'06-1

А/з Б87

Брагина О.

А/з Б87 — Фоновый свет, Киев: «ФОП Ретівов Тетяна»,

2018. 188 с. — (Серия «Современная литература. Поэзия, проза, публицистика»).

ISBN978-617-7390-79-3

«Фоновый свет» — третий сборник стихотворений на русском языке киевской поэтессы Ольги Брагиной. В книгу вошли тексты 2016-2018 гг., посвященные теме восприятия прошлого и его взаимодействия с настоящим, жизни в современном мегаполисе в момент экзистенциального кризиса и ее осмысления с помощью искусства.

УДК 821.161.1(477)'06-1

© О. Брагина, 2018

© «Каяла» (Киев), 2018

«Я ЗАПИСЫВАЮ, ЗАПИСЫВАЮ, ЗАПИСЫВАЮ... ПРОЧТИ ЖЕ»

Прежде всего — перечень, каталог, перечисление. Как карточки Льва Рубинштейна — но по-другому, не волевым нажимом, а трогательным лепетом, шёпотом. Но, тем не менее — как факт искусства. Амбарная книга собственных чувств и переживаний, постоянно соотносимых с вон той книгой, с тем фильмом, с этим — ну ты помнишь? — философом-леваком, мы ещё смотрели фильм про него, слушали лекцию в лектории, читали даже краткую книжку «Всё о философии NN для чайников». Ещё — классики литературы, сама литература, длящаяся вне времени, перетекающая из одного пейзажа в другой. Такой бесконечный вернисаж. Кажется, ничего, кроме литературы и искусства, для Ольги Брагиной не существует — вернее, всё, что существует, немедленно вписывается ею в этот контекст. Поэтому лично мне очень хочется закутать книгу, которая лежит перед вами, во что-то тёплое, укачивать её, как дитя — «спи, маленький, спи»: уж очень она уязвима и открыта критике саркастичной и пристрастной. Особенно — на фоне господствующих тенденций возврата к «правде-матке», новому реализму и борьбе классов. И — на фоне всего этого — стихи Брагиной читаются даже как своего рода вызов. Это одно, по сути своей, бесконечное стихотворение, эта постбродская каталогизация, отчасти даже жеманность-анжамбеманность, этот манифест нового, хрупко-беспомощного куртуазного маньеризма — оправдание, сейчас и после, поколения, которое упрекают в инфантильности и предательстве идеалов, не замечая, что прежние идеалы давно отменены. А вот культурные коды — те да, остались. Может, это единственное, что остаётся, и поэтому из постмодернистского арсенала Брагина берёт, в первую очередь, имена — как знаки (недаром предыдущая её книжка именовалась «Неймдропинг»). Берёт — и немедленно смешивает коктейль из этих имён. И — на первый взгляд наивно, на

второй претенциозно — вставляет и собственное имя в этот перечень. Настаиваю — за вторым взглядом должен последовать третий, открывающий, что Брагина в своих стихах — как донатор на картине с Мадонной: выглядывает сбоку — вот он я, я тоже кусочек этой вечности, этого неба. Вы можете упрекнуть меня, что так я хочу остаться, вписать себя в божественный ряд, в створку алтаря, в подпись Рафаэля на холсте. А почему я не могу остаться хотя бы таким образом? Чего тут больше — тщеславия — или всё же желания осветиться божественным отблеском? Или не сказано, что мы все сотворены по образу Его и подобию?

И ещё. Книга эта — несомненный лирический дневник в стихах, жанр, об утрате которого многие сильно переживают. Так вот же он, перед вами. Ежедневные записи, по которым можно, при желании, составить даже карту перемещений лирического героя по родному для него (неё) городу Киеву (логову Змиеву) и по другим местам. А то, что этот лирический герой постоянно рефлексивирует/цитирует — так кто запрещает нам с помощью великой и всемогущей Сети расшифровать эти цитаты и, возможно, пойти дальше: прочитать, наконец, не только полную невыносимой интеллектуальной мощи книгу «Всё о философии NN для чайников», но, чем чёрт не шутит, и труды самого философа NN.

Остальное расскажет сама Ольга Брагина, счастливого погружения в книгу стихов которой я вам искренне желаю.

Геннадий Каневский

fade

что я люблю:

люблю смотреть сериалы про одиноких и сильных женщин которые чем-то прославились
например написали книгу или изобрели циркулярную пилу
люблю гулять по старому Киеву смотреть на прохожих
слушать обрывки фраз проходящая жизнь интересна
люблю пробовать разные наливки в демократичных заведениях нашего города снова гулять
думать что ничего не изобрету но еще могу написать книгу утешать себя этой мыслью
смотреть на Киев с Владимирской горки или с площадки возле Мариинского дворца
кто-то непременно сохранит всё даже если ты агностик всё что ты любишь
слова которые сказаны и не сказаны звук шин на мокром асфальте
одноэтажные дома в центре города яблони огороды
пряную кровь цвета соседской вишни

когда нам было пятнадцать смотрели по телевизору «Беги, Лола, беги» думали главное не останавливаться
продавцы на Петровке обсуждали фильм на следующий день ели холодные пирожки с печенью
писали стихи только в рифму на философские темы не знали что еще есть толстые журналы
вообще мало что знали о литературе помимо романов о любви сочиняемых под копирку
теперь смотрим на юных поэтов в клетчатых юбках как они планируют опубликоваться в «ШО»
думаем вот они знают в чем смысл жизни
не собираются бежать неизвестно куда лишь бы только не стоять на месте
даже коньяк на них практически не действует совсем ни коньяк ни холод
мы все хотим жить в компьютерной игре никуда не опаздывать
обмениваться парой односложных слов потом идти дальше
думать что есть горизонт цвета синей пыли

мои токсичные родственники говорили: «У тебя слишком тонкие пальцы, ты не сможешь носить кольца»
бывший муж говорил: «Куда ты без меня, никто тебя не полюбит»
контролеры говорили: «Что за подозрительный студенческий»
и никому не приходило в голову потребовать у них удостоверение в ответ
реклама в метро говорит: «Тебе нужна квартира в закрытом комплексе «Прага»
муж ребенок квартира собака что ты тут толпишься в метро в час пик создаешь видимость жизни»
тебе нужна такая ты чтобы ни с чем не спутать красная ветка
одно и то же метро чужих городов отчизны
чтобы разучиться говорить не помнить где свет
таблички с названиями улиц говорят что поэзия мертва политика не имеет смысла фонетика
антиквариата несчастна
земля покрыта стеклом в теплое время суток
давай никуда не пойдём здесь и так хорошо

бедные дети девяностых сгущенка «Элен и ребята» музыка из киосков соевые конфеты
глянцевые обложки серии «Соблазн» «Мастера фантастики» серый цвет спальных районов
никуда не ведущие трамвайные пути «Тефаль» всё решил за нас и теперь главное скорость
нейронные связи умение забывать бинты учебной тревоги
костюм кожи праздничный план эвакуации ты всё равно заблудишься небо цвета мастики
ты всё равно заблудишься громко говорят о живых пока не разобран последний снег
пока охранник не спросил: «Куда вы идете?» нечего ответить ты всё равно заблудишься кисточка
из беличьего хвоста
краски теперь смешать чтобы одна и много

нам нужны социальные поглаживания внимание равнодушие незаметность
руки мерзнут не успевают за ритмом мысли машины коммунальных служб красные маячки
что ты видишь сквозь снег слышишь помимо скрежета лопат об асфальт утренних новостей
сквозь бетон перегородок
что ты слышишь помимо отсутствия равнодушных звуков перечней происшествий
нам нужен белый шум работающий лифт список должников на зарплату консьержу объявление
о профилактических работах
нам нужно немного понимания но его неоткуда взять разве что придумать
белый шум снег красные маячки реклама каких-то бутылок на бигборде через дорогу кризис
банковской системы
расслоение слов смешение смыслов см. в словаре какого рода слово «смузи»

Siri тебя не любит первый снег растаял потом выпадет новый
но пока как сказано в новостях этой страны здесь цветут подснежники и кульбабы
в декабре их можно продать на рынке помнишь как в начале нулевых их пытались продать нам
через дорогу от института
вместе с сигаретами поштучно старушки — божьи одуванчики
зачем нам нужны были подснежники в том году когда сигареты подорожали
очередная бесполезная красота мертвая красота Красная книга
теперь здесь тепло и уютно как в духовке пока она не нагрелась полностью
Siri тебя не любит никто тебя не любит курить не хочется
может быть пойти и нарушить запрет белый букетик
это была не реклама одиночества не реклама курения не реклама в поддержку незаконной торговли

только циркониевые браслеты детства медные брошки скарабей живая вода рекламы
картон прежде раскрасить вырезать по контуру погода честна как пламя
и не с нами происходит история счастлив кто вниз не смотрит с балкона кто там поёт «То не вечер»
стекло телефон остеклителя чья-то заколка крабик
не с нами происходит история больших свершений местный наркоз любви
произношение слов броские вещи века хранит прежде памяти здесь
ничего не остается как росчерком рваным красоваться находит
телефон остеклителя заколку крабик листья непонятных деревьев
когда придет пора собирать гербарий раскладывать по страницам
они падают на землю и ничего не изменилось одиночество мелкий мелок
контур замысловатый наблюдений за природой сегодня ничего завтра ничего
только циркониевые браслеты брошки скарабей голоса под окнами пустые окна соседей
разбавляй воду водой гадай по извести капель

вчера еще последняя дискотека и сегодня то же самое детство неповоротливое время
Сильвия Плат достает кулинарную книгу выбирает самый невкусный пирог и говорит это моль
это ночь это завтра
это мой завтрак на одного человека который не я неумолчная морось
моргай чтобы этот осколок вышел благополучно этот комок движений остроконечник речи
эта омела под которой не шелохнется ничего в душе ничего не напишется детские записки о смерти
дети любят подобные темы хотя движение в никуда тоже приветствуется всё присутствует здесь
Сильвия Плат пробует корочку спичкой дошел ли он внутри
тепло ли тебе девица страшно ли отроковица
пузырьки насыщают кровь несут отдых от мыслей
нас и здесь никто не ждал не накрыл праздничной скатертью две старые табуретки
не завел пластинку под которую ели плоть авокадо бабушки и дедушки в холе и неге кухни
простишь ли мне цветок прерий морской бриз оконных рам

когда в квартире Мандельштама проходил обыск
гости Кирсанова достали гавайскую гитару и начали играть «Мерцающие звезды»
и пить за здоровье того кого нельзя называть кроме как утраившись в душе своей первой ноты
все шедевры инструментальной музыки кладут к ногам твоим
радиопередача «С добрым утром» заканчивается горек мёд поэзии
засахаренные головки любимых сердца на суровой нитке ничто не держится здесь
слишком долго когда завтра всё забудут запрещенная память
ляжет под пар жизнь за царя перестанет звучать из всех радиоточек море печали
будет звенеть в ушной раковине старые гербовники пожелтевшие гимны поместье в Полтавской
губернии
земля возвращает всё смешивая растворя сквозной
любовью только можно объяснить возвращение с лестничной площадки
где гости Кирсанова молча курят смотря в область лба стряхивают пепел в пролет

сегодня ты мне приснился словно мы смотрели какой-то позднесоветский артхаус
пытались умно говорить о кинематографе оставалась некая неловкость
я искала чистые стаканы потом обсуждали новости из фейсбука я не понимала почему ты мне
снишься
что хотел сказать режиссер но не сказал
не думай о человеке который думает только о себе да и кто о ком думает в этом сне
содержание солода в крови приглушенной гаммы
цветов разговоров ни о чем детских утренников с пристрастием
не думай о человеке который слишком много думает
что происходит пока ты спишь герои с тусклыми глазами моют захватанные стаканы

в такие моменты представляю свою дочку говорю ей видишь
мертвую синицу на бетоне подъезда
произнести нравоучение о любви к птицам когда холода и нельзя показывать пальцем
нельзя тыкать палкой чем еще тебе потешить свою сентиментальность
мертвые птицы живут пока ты о них не помнишь
в такие моменты становится грустно что я помню что сказал по этому поводу Марк Аврелий
но не умею строить кормушки из кефирных пакетов
незачем он сказал хранить этих птиц в мусорных баках хлебные крошки
нам пригодятся или нет Марк Аврелий
в такие моменты становится грустно ибо жизнь человека грустна
и бетон покрыт разводами соли нет тебе продолжения ни в чем
твоим волосам твоим в нехватке кальция костям твоим философам-стоикам
ничему продолжения нет здесь только птицы
запутываются в обесточенных проводах служат примером как не надо на уроке природоведения
давай я нарисую эту птицу за тебя клюв и перо перо

после войны у девушек юбки короткие польская тушь на щеках говорит социолог
весна обнимает мертвой петлей шейные позвонки зеленка под ногтем асфальт не политый
в пух тополиный ложится лицом лестницу приставную бросили дробь простая
не затянется родничок не запомнит названия станций треугольник бермудский напротив
был зеленою фальшивой утопан расскажи мне об этом
пока не вернут размагниченный шелк к окостью колена
не вытравят несколько слов на гашеной жести
маленький черный ком кротовий oга pro nobis
открывается утром свод пастушеской сумки

кинохронику для человечества прежде чем пройдет сто лет минут все сроки хранения мармелада с пектином

тысячную долю секунды отражалось ее лицо в целине его объектива не разобрать больше кроме р.х. за то что остался жив чувство вины сминая салфеткой влажной дырявые каски черепов монохромную бедный Йорик

не выбирал так судьба сложилась на кости карты наступать будут сегодня утром пока фонари не накрыты

колпаками калмыцкими не разобраны все ошибки стратегии напротив где сэндвич-бар голубиной почтой

не приголубь теперь не рассказывай сколько лета в плоти да крови плитки разбитой до каждой поры не за что бороться кроме воспоминаний твоих чужих клавиатур запятых забытых рука тянется к нарисованной листве

последний срывать опасно прежде чем пройдет сто лет и тень упадет на север

всё действительное разумно всё разумное существует здесь и сейчас кремниевой формой готического наследия прямых линий бобровой шубой реципиента
не шумите говорит дети разум существует помимо восприятия о нем нет смысла говорить развешивать пестрые ковры на мартовском солнце мы теперь и не знаем в какой стороне света живем энергию экономно расходуя ткем на детский утренник свои простые вещи простые вещи вещей вещую речь разлома
нет у нас ни дома ни ключа ни теплой топи топленого молока белой стены соседнего города восьмигранника пепла
нет у нас никакого понятного языка развоплощения фоном сколько нужно белка чтобы выжить сколько памяти отказаться
всё действительное разум перечеркивает размешивает сжимает до хруста коленки лестничных пролетов лодочки эвакуаций отбитые каблуки
так долго простыл идеалистическая диалектика хранится на верхней полке только по памяти преодолеть несколько классов
так долго постылая последовательность любви маски огуречные лосьоны кожа молодость дней так и действуй словно ничто говорит сборник чувствительных романсов повестей для юношества благородных разбойников злых мачех юных девиц будущих злых мачех благородных юношей будущих разбойников хлеб
ни горек ни сладок нет у нас обозначений рассказчик рассказывает время растворяется оседает гущей на ободке
всё истинное ложно всё ложное тоже малопригодно для этой кухни посмотри на него когда будет ехать мимо имя не назовет потом не узнать

как мутная вода талая вода голубая кровь будущий гудрон из всех историй выбрать то чего там нет
всё действительное разумно

так приди на Васильевский остров он говорит уже ничего не болит снег избывает стыд
существования в пепле домов несчастных любовью выпавшей буквы в слове «Хлеб и вино»
прочитавшему всё равно вывески эти республики пятой свобода проходит и лжет
за руку нежно берет в кинематографе перья и пыль шелуха
кровь черно-белая копоть на стенах и дым из подъезда
теперь для живых неизвестно кто пишет эти реплики повторяя их по несколько раз нет говорит
ты меня не любишь
если бы любил купил бы мне новую подставку под горячее или ухват
непричастные вещи отчаянья теплые крошки асфальта
нет говорит ты меня не любишь иначе отринул бы весь этот островной быт жил бы дальше
переписывал бы от руки чужие перечни слов которые не спасут и не укажут как надо никого не
спасут ничего не укажут
люди говорит слепы как последыши свинки Пеппы искусственные цветы в переходе гендерно
окрашенный ад
сюда тебя не берут постой тут со своим талончиком
гречневая крупа молода и жизнь не закончится никогда и майские печи прощения и хоровод
не держись за него так твое от тебя никуда не уйдет
гадательные книги сонники хиромантия для чайников физиогномика
никуда не выходи из своего домика кури самые дешевые сигареты смотри по какой погоде люди
сегодня одеты
запекшаяся кровь под ногтями зимняя бледность юга нехватка света хлорофиллы пластика цве-
тение сада

не держись за него так скорее всего уже ничего не надо
так приди на Васильевский что ли твердит как не чувствует боли осадка и галс как не чувствует
ничего из перечисленного но существуя
чем-то существенным по-прежнему здесь рискуя
рисует новую вывеску «Хлеб и вино» кубок с фальшивыми рубинами змею и виноград
такую определенно должны одобрить

это всё непродуманность мира французских экзистенциалистов говорит мы не можем представить мир в котором они живут покупают поздравительные открытки подписывают чеки задабривают бога самума считают сердечные капли разматывают клубок несовершенства голод бесконечных историй в прежний карман прячут сиротские деньги пересчитывать дни как ситуацию невозможности как сердце не помнит прозу галантные празднества пустоты погребушки змей резкие цвета прочерки гаммы где они например мыли руки перед едой рассказывали как прошел день и никто не слушает а если всё это представить в подробностях прорисовать детали многословие малых сих мерная посуда мусс нет говорит это всё никуда не годится а если бы и да всё равно нет представить если закрыть глаза посчитать до единицы

никогда не закончится дискурс войны не размочат любовь словно яблоко в кадке застрявшее в горле дышите он скажет
снаружи тепло и почти познакомились с этой землей так почтим ее кроме куличей разобранных домов когда в первый этаж попадет скрепка
а вот верно ли вы любите предавших вас крепко ли держите салфетку
дышите ровно говорит асимптота неуверенного движения по этой нервной поверхности ленты продуктовых историй
предпочтений покупателя равных себе найти только прежде бросить в корзину крупы несколько загадок
это ГОСТ распашонки тебя разные растравы изыди говорит
из этой земли всё что можешь унести с собой заberi
а что осталось ничейная кровь грубая кость всё что так просто далось
и речь вести о том несть числа медного часа
нет говорит дышите ровно сегодня ретроградный меркурий
никому не уйти от пули от сердечной иглы стебля ромашки
да не любит он тебя разве разделявают любя
голуби ходят по земле смотрят на просо

замерзшие оранжады «Титаника» кольца с надписями по кругу о вечной любви
морепродукты щекочат твои лодыжки холод простых чисел после запятой
нет ничего пишущая машинка в багаже кофры прогулки
так они простынут в багажном отделении простыни скошенные лавандой
сухими пайками города где все мертвы но тело хочет праздновать Рождество
распинать белый мел открыток адрес расплывается на твоей руке номер дома
дом превратился в леденец превратности исторического процесса
я не помню где я живу где дети с зеркалами солнечные зайчики простые пространства
и на последней ноте земля исчезает словно ее никогда не было под ногами
не сносила три пары туфель три пары шнурочков шелковых ровных петель пока пришла сюда
в сердцевине цветка находится цветок в сердцевине

Киев-Львов

я буду ехать в разных видах общественного транспорта и читать твою книгу
при естественном освещении,
чтобы не думать — ребром твоим стать бы. одуванчиков молоко останется с первой свадьбы,
разноголосицы канонов — за кого молиться теперь, древоточица-дверь,
ни за живых, ни за мертвых, ни за течь с подкожного борта,
ни за твои кудри — в чистом поле черной кровушки море.
водитель сказал, что нужно садиться с той стороны —
правилам перехода улиц будем почти верны.
отворачиваемся к стенке штукатурку царапать твоим мизинцем.
это царапина та хоть которую я, дерево дерево дверь разных дел влюбиться
могла бы в этот торг бесконечной сладости паутинка летит в асфальт
рад ли ты всему перечисленному квадратная стелла дружбы между нами
тут был самум и плюс там где было равно
люди толкуются локтями в кадре забудутся всё равно

ничего не случится пока подушка хранит твой запах вода сигареты мыло
не было что-то или было по ком звонят теперь продают рассаду для новых полей удобренных
сезамом пеплом

меняют таблички на домах любимый цвет императора желтый
ничего не случится пока закрыты глаза кожным покровом бережным лезвием бережных
чтобы собралась кровь в ложбинке под горлом белые косточки сахар-сырец на завтрак
монотонные новости первой строкой на сонной сетчатке глаза
здесь какие-то провода белый зеленый синий морским кафедральным бантом
ничего не случится пока мы молчим ни милости ни спасенья ни жилки под правым глазом

не пиши мне о том как дела что мне со знанием этим делать дел никаких не осталось
только читать «с уходом античности искусство определения добродетельной и счастливой жизни
оказалось безвозвратно утеряно» двор-колодец в котором не видно какое там время суток
туристы которые жаждут попробовать эти настойки змеиною цвета
не пиши мне о том как дела что я знаю ты знаешь о жизни
то что она проходит как утренняя припухлость век время которое должно было тебя лечить
не пиши мне все эти сочетания букв только буквы сочетаются здесь
обращенные в пустоту и один Т9 верен себе
как у тебя дела ну о чем еще бы

ты уедешь завтра и в этом пейзаже с открыток середины позапрошлого века
не изменится ничего всё тот же камень глухой и скользкий
коснуться твоей руки будто бы случайно расплачиваясь по счету

вспоминать потом об этом думать что по-другому
всё могло бы быть например задержать руку на несколько секунд
кто поверит в такую дерзость этот холодный камень к которому нельзя прислониться
легкие вдыхают пыль сердце отбивает ритм что написано в твоём билете который нельзя возвращать
легкие вдыхают ритм сердце отбивает пыль ты уедешь смирение главная добродетель
об этом нельзя забывать среди всех этих фестивалей уличного хумуса
и мастер-классов по шитью платья для куклы-скелетца
что написано в твоём билете в печенье с предсказаниями никто не напишет правду
когда ты уедешь

смотри как мир вращается вокруг тебя за одним столом смотреть в разные стороны
слушать разных людей чтобы никто не догадался ни о чем чтобы тень подозрения не вызывать
любовь слишком глуха к пульсу к обертонам и детство словно тебя взяло в плен подкатило к горлу
ни слова не сказать ни промолчать смотри как мир проваливается в тень улицы
где нет фонарей это режим экономии в масляной краске ворота
код на ключе куда звонить если всё окажется правдой
если теперь обо всём говорить как есть что ничего нет
разве было но нет
разве что бывает под кожей венкой смотри как мир шевелится на дне водоемов
отражается в стекле напитков держаться за руки пять минут
глуше любых историй но если все же нужно звонить во мрак фонарей без света

рассказывать кому-то как пройти туда-то но там тоже тупик
как пройти на улицу Коперника или к Пороховой башне
все дороги ведут в никуда но пока что здесь даже мило
пока что здесь невечерний свет над каждой будкой помощи туристам
тебе кажется так и значит это всё значит

ты знаешь сколько у тебя осталось изображений
переводных картинок в зрачке последний кто отпечатан
отпечатан подъезд парадное дом где живут соседи
живые покамест но кто их ни спросит дальше
отвечают отрицательно смерть апофатическим богословом
заполняет прочерки место работы юность
прошла на побережье моря фарфором курильщик кашлял
пеплом который собрался вон там где сейчас Везувий
в разрезе мир похож на войну и те же следы свирели
горло сверла от которого петли после
не туда свернула куда-то Артемий рисунок отдал лейб-карле
велел закопать под веткой метро как цветущий персик
все твои дела взвешены и признаны не стоящими пера птицы-гагары
законопачены окна забиты дверные проемы
скоро еще разрешат говорят всесоюзную елку
кожа не вытравит больше никак этот яд мандарина
изображенье в кольце из которого рвется лучами
город твой воссозданный на костях киосков на метроболоте
ты знаешь сколько у тебя осталось жизнью еще одна
не может значить больше чем есть но и меньше тоже
город твой походный сад судья караульной службы
столп соляных скорбей Колумб карусель аптека

просторная natura naturata разбавлена плоским бликом
ты прежде могла оглянуться и жить спокойно
не превратиться в ящерицу зеленую змейку укус
в древнюю фреску на стенах буфета где льет плодородье Юнона
в куклу в которую не попадут все снаряды на Невском
кроме хлебного катышка соли морской морозной
переводной любви от классических архетипов
засорившихся труб и ненастной программы «Время»
силуэтов коней ни в одном послесмертьи Клодта
не оставшихся ты заручилась поддержкой ЖЭКа
маленькое черное платье белый венчик как розан
сила любви равна силе противодействия мелом краской помадой
на зеркальной себе и еще серебром на север

vin ordinaire ботинки из черной кожи нейлон юбки до середины икры
святой Дионисий идет на Монмартр кровь кувшинки в банке из-под варенья керамика слёз
собери их все запомни бесполезные слова муравей на рукаве Вильгельму теперь тоже будет со-
всем нелегко
голову в шляпной коробке кладет на холме в большой прустовской энциклопедии можно встретить
все имена кровь проникает в почву
коренья целебные пропуски детские считалки кто должен выбыть избыть
очарование жизни раз очей твоих склера прощания в кремовых вокзалах в башенках из бисквита
в извивах земли теперь ты родись картографом нанеси на карту все ее памятки
проволочки вен я не буду с тобой дружить разве я сторож этим улицам
произвольной нумерации заверения в вечной
vin ordinaire говорит дешевое пойло

здесь вас научат рисовать комиксы графические романы несколько раз подумать
карусель вертится мыльные пузыри слов облако посмотри здесь
не выходил из комнаты столько лет у подъезда растаявший реагент
у подъезда мертвая женщина с шариком Happy Birthday
почему счастливые люди никогда не могут быть вместе
в ночном киоске продают «Колокольчик» и сок внутри пакета пакет
матрешка матриархата катится не держит баланс лежит головой на север
у каждого героя должна быть мотивация когда город разобрали по кирпичику птичку переехали
на другой полянке он будет смотреться лучше жители под муслином занавесок прячутся от света
изобрети новый мир
мало прекрасного в жизни строительные материалы дороги любовь проходит как насморк на
стенах проступают слова и купить словарь
всё забываю у каждого героя должен быть словарь муслиновые занавески капли от насморка
море на фото-обоях солнце шариковой ручкой на руке
никакой рефлексии по поводу невозможности бессмысленности
ожиданий на остановке вопросов «А он еще тут ходит?»
когда время закончится простить себе всё что не нарисовал
женщину с шариком прямые улицы тесные дома
несколько слов на незнакомом языке и остаться дальше

словно резчики по металлу резче тебя ты знаешь Нехама звук горькой гаражной группы
в депо только глубже кости зачем неизвестный трамвай под плиткой тирлилай говорит нераз-
борчивым почерком на ладони
номер 96 это твой ты можешь выиграть суккулент поставить на подоконник сегодня не твоя
очередь не твоя
но кому передать эту землю вывезли ее во рту ворота в лебедях и ромашках на синем фоне
запасы чая на десять лет вперед как будто ты уже дожил в своем любимом кресле-качалке
кочки прости меня здесь как знаешь за все грехи признаться легко в которых
на теле проступает краской из купленного как душный Овидий штампа искупленного простой
нет никого который
известка известий и один раз отпустил бы ее в последний раз режется зуб мудрость
теперь ты знаешь красивая тромбом выше

напиток винный впитал асфальт под которым город № дети без естественного загара
тонкими руками ниточки роднички родня за границей в зоне распада стронция
три семерки в затылке пульсируют дальше не ты ли верил что нас обведут одним кругом
меловым положат в одну коробку спелых карандашей слепых мышиних царевен
напиток винный цвета луны которой дальше пылиться на подоконнике мухи пух и раскаты
он уже почти нашел свою остановку спи моя радость сон разума не рождает сон разум рождает
ест калорийно

Волга впадает в Каспий пунктиром на руке не растворяется кофе в желтых водах Амура
спи моя радость копируй файлы разбалтывай тайны довести до кипения перед каждым кто слушать
будет пытаться стереть считайте до ста ноль ноль

так они плыли до первой бухты пустой бересты при полном штиле
медуза Горгона контекстной рекламы строка убийственно любим дякуємо що скористалися
послугами нашого метрополітену остання зупинка поїзд далі не їде
феи поют у закрытых станций метро просят гривну и мелкий жемчуг
несмываемая любовь на твоём размеренном лбу так они плыли в пещеры в Аид и в Шостку
на жестком бархате имперском промтоварном багрянородном играли в карты переводной всегда
оставалось столько
не корову же ты проигрываешь в самом деле надо уметь проигрывать
наступна зупинка запинається счет коленок разбитых горечь
так они плыли серена горгона гремучая белая змейка
рельсы под напряжением двести грошей

знаешь ты стратила написала ему какую-то глупость под утро когда ни в предательстве ни в надежде
не будешь ты заподозрен раз два три солнце и месяц не перепрыгнуть
знаешь все эти фронтмены вчерашних групп так и не ставших знаменитыми
руку пожать сделать селфи на фоне спросить о планах на утро
творчество режет тебя разорвет на четыре части
раз два три ты стратила снова незнакомые люди ставят какие-то треки ставят банки на кожу
целуются внутривенно
звездное небо над нами в отсутствии липкой крыши
знаешь ты утратила цельность веришь всему что дышит
шевелится говорит что так оно быть и должно
поедем в Мариенбад говорит там такие воды
когда они отойдут настоящее станет видно
раз два три говорит это пляж это асфальт и пляж

где на стене укрытия и coffee box и ты еще не дорос до живости ржавой ручья под клумбой пионов
новой искренностью плитки разница между жизнью и жизнью лежит вне плоскости одной
где на белой стене к которой прижаться губами потому что больше ни Бог ни новая искренность
с нами

не говорит своим языком расплавленным голосами
сорока сороков невесткою из Сарова где на стене на которой косынка пасьянс штукатурки немецкой Спас

если мы до следующего поста жизнь станет проста и печальна
и люди с безалкогольным мохито будут всё так же обсуждать искусство
в 1986 году девушка платила 15 рублей за портрет при зарплате в 65
хвала бесполезным что же

письма последних рабочих завода красный подшипник белый шиповник
перерезанный провод капилляры вырванной с мясом розетки
перечисляй свою кровь в фонд помощи детскому саду «Ромашка»
не тарахти торопыга так быстро уже ничего не будет
ну и ступай же теперь в монастырь уступай неходячим место
не прислоняйся к стеклу на котором «не прислоняться»
кем-то написано истина все принимает формы
кроме единственно верной тебе и поэтому невозможной
так широка страна твоя так глубока система подземных туннелей
масло льняное аптечных складов и лакуны коммуникаций
с белой марлей-цветком и последним чужим жетоном
только безумия здесь и осталось тебе бояться
как называется улица имени тех шестерых пророков
при торможении резком вся кровь ударяет в голос
там поверните на юг и пройдите еще двести метров
перебивая таблички гвоздем укрывают кожу

возле метро женщина продает ромашки маленькие букетики говорит девушки покупайте цветы
любит — не любит
никто не прижмет к сердцу твои воспоминания не прочтет по ладони
невидимых линий жизни сердца незаслуженной орфографии кто нас любит здесь
пропускает на зебре вперед купляйте любисток і м'яту дівчата
всё завтра увянет и к спеху считать всю эту мелочь завалившуюся в кармане
выбирать то что не нужно забыть проще чем помнить менее энергозатратно более целесообразно
любит — не любит это из области сказок преданий внеисторической памяти ты не такая
чтобы купить что-нибудь и смотреть и случится
необъяснимое возле метро женщина продает никому не нужные букетики ромашек
можно расценивать это как художественный жест
можно просто пройти мимо

пытаться острить в фейсбуке на внешнеполитические темы и пристрастие к салату с майонезом
выучи несколько стихотворений из классических антологий для тренировки памяти потом забудь
где у тебя в доме сахар и спички
пора не верить никому что жизнь прекрасна раскладывать ее в папки без названия перетасовывать
так не было
это кто-то другой улыбался в камеру на фоне Исаакиевского собора
это кто-то другой писал о тебе стихи словно стихи оправдывают несуществование
кто бы знал чем должен закончиться текст поставил бы точку в правильном месте
лучше не чувствовать ничего складывать фотографии буквы слова перейти на зажигалки
кто сказал «молчание — золото» мы не помним

не выходить из комнаты закрыть зависшие окна с новогодней гирляндой найти старый свитер
самый растянутый жизнь коротка но при этом успеет наскучить
переписка с самим собой ваш адресат не отвечает
в интернет-магазине искать не слишком мелкую елку
и не эту из дождика ель должна быть зеленой должен быть праздник
коммунальные службы страны подземные воды горячая кровь портвейна
согревает пол льется ржавчиной крана
расплывается на ладони горечь витаминки под ее сладостью
сколько их было пересчитать в день не больше двух
слишком много свободы еще никому не шло на пользу
мы учимся не заходить за поля ставить знак переноса
учимся разборчивости почерка связности мыслей слишком много мыслей еще никого не спасли
не удержали здесь
давай будем молчать еще выбирать гирлянду

но только Аглая легла попыталась уснуть выпила молоко потом аспирин потом посчитала всех овец
несуществующий ад сказывают предложный падеж и холод
но только Аглая пересчитала всех овец повернула образа к стене
окинула придирчивым взглядом мир нет боюсь я сердце отдать человеку
дети человеческие сделают из него хинин начнут замаливать жар начнут забалтывать бред
начнут раскрашивать лабиринты проведи линию сюда
Аглая думает что она горда своим существованием тепла своим теплом
проведи линию сюда и не печалься
нет не отдам я сердце свое ни человеку ни ангелу ни коршуну ни сердцу
зачем тебе оно на самом деле внутри цветком сухим царство целого
зачем оно тебе боюсь я дети человеческие сделают из него ангела поднесут поближе иглу
кровь малиновая ангельская сладка ли горька мало тебе жизни в бору поднесут иглу и не печалься
боюсь я тот кто не любит ее хранит ее в этом ларце тот кто любит ее проводит линию
вот она здесь и здесь полна собою словно и нет и не было и не будет
боюсь я дети человеческие любят мармелад и кровь и мягкие игрушки нет им веры ни в чем
вот красное тепло молока мелкой мяты топи
розаны на стене где была подушка

учительница говорит объясните мотивы действий Печорина
выводить имена чужих певиц на столе кто знает что это скука
помещать ничто в эти вырванные клетки тетрадей
кто знает как скука местами облачно прояснений
не будет в этом году столько слов и ни одного чтобы понятно
пустые лестничные клетки дверные проемы
опоздал потому что воздух близко вода холодна и в руках серебро
если назвал дерево деревом себя как-то иначе
проговорился там где нужно ставить банки прятать скрепки в пенал
учительница говорит звонок для учителя а не для вас не у всех действий есть мотивы
если тебя оставить здесь на несколько лет наедине с окном мутным окном
елочные игрушки бьются крошатся земля полна стекла промышленных отходов горечи
если тебя оставить здесь ты тоже поймешь
кто еще не сдал работу редко сюда приходят греть руки над батареей
рассказывать неинтересные истории и молчать

наверное у меня психологические проблемы поэтому я
скорее всего у меня психологические проблемы поэтому я
ношу яркие вещи (хотя иногда в рамках моды соглашаюсь на серое) генерирую грусть
постоянно коплю интеллект не умея им пользоваться странно шучу не ставлю запятые
иногда в упор не замечаю компостер потом понимаю что это какая-то новая модель и теряюсь
боюсь ошибиться в счете мелких купюр сказать что-то не то не боюсь и постоянно
пью растворимый кофе без счета не вижу разницы между сном и явью (почти)
снова пью растворимый кофе уже не чувствуя вкуса
наверное у меня психологические проблемы наверное у меня нет чувства меры наверное люблю
слова
больше чем что-либо из существующих во мнении цветов горьких конфет
скорее всего а кто тебе скажет что ты существуешь привычка всё подвергать сомнению в конце
концов вредна
известно что будет когда перестанешь крутить педали
кто тебе скажет что ты существуешь что он существует что воздух пустой вода мокрая
никто не скажет и в этом есть некая прелесть

так ли жизнь проходит насквозь электрическим разрядом
памяткой юному машинисту не стой на той стороне моста
не заказывай это заказное письмо знаешь оно невкусное
там нет настоящих признаний в любви нет жалоб на скудный быт
нет надежд на будущее которое вдруг настанет
нет не стой на той стороне моста на том ветру который тебя сметет
на том прореженном мостике который тебя греет
на том что не могу иначе да всё ты можешь иначе это фигура речи
так ли жизнь проходит насквозь точка запятая тире
тир в котором ты не попал в главную цель но хотя бы пытался
попытка не пытка пытка ползущим пульсом путем распутием
расскажи что всё будет не так и жизнь теперь не проходит а просто длится
распадается на двести тысяч простых для съеденья пазлов
вот один затерялся в песке из которого вырастет сухое дерево
простое сухое дерево но и к чему здесь сложные величины
так ли жизнь испаряется агрегатным состоянием ничего
заскорузлой закладкой с изображением европейского города
в котором всегда весна самый политкорректный климат
и ты веришь что здесь рай существует
его спроектировали специально для нас и населили нами
теперь некого изгнать заставить смотреть на окна
вот он пустует заброшенной бойлерной место вечной свободы

месиво мыслеформ массив за который Ленин
выписал архитектору тринадцатую зарплату
и подарил свой ефимок с портретом

написать колонку о счастье что я знаю о счастье
в ленте реклама футболок с Кроули февраль в ресторане «Асса»
баклажаны с орехами печенье с предсказаниями гифка со снегом
критика расточительства пластиковой тары и снова снег
мы знаем что делает нас чужими а представить счастье
свое скучное теплое море когда темно галька колет колени
как и не было его никогда ящик фонем вынести в соседний двор
положить рядом с картами мира который больше не горчит
учебниками дачных наук одинокими серьгами телом бирюзы
вот они греются здесь молча верят друг другу
счастье беспредметно какую мерою мерить такой и нет
сегодня здесь поляя полынья состав праздничных сетов
счастье прорывается сквозь новый текст не разобрать что хотел сказать автор
исключения линий излом отступ два сантиметра

Алексу Шварцу

февраль это значит молчание только четыре минуты с чем-то не отвлекаться от счетчика от навигатора тишины
всё уже было написано прежде нам остается только перечень фамилий нотная память
холодный хлопок нательных слов пере-исправить-жить
детская рябь в глазах невозможная легкость кожи
февраль это держаться за воздух а вы
едете куда-то не знаю принеси что и закрой мне веки
этой тенью неба — скрепка кровью срослось
только здесь не молчи и дыши забыли
февраль это пагода большой дом из молока город из хлопьев льна
прель полезной глюкозы плот на ту сторону плоти
подай мне эту копеечку плохие стихи живут
хорошие никому а плохие что же
вот они разбиваются по одному делают селфи свою темноту
холят внутри и лелеют и гложет
мысль что не может быть это похоже
это не я и не ты и не медь
под языком заставляет неметь
кому расскажешь смазан контур и Лукреция мертва
из темно-серых глаз зеленая трава

это любовь самое бесполезное слово в словаре Даля
у нее внутри камушки скользкая морская галька такие привозили домой и перебирали
дома на паркете пытаюсь вспомнить о море

девушка говорит: «Я просто ищу впечатления, понимаешь?»
идти на второй этаж, где спектакль по феминизму
по правую руку женщина играет в кубики, нужно выстроить красный
по левую руку смотрит видеокурс «Как делать прически»
«Оцените эту прическу», «Как вам эти косички?»
мужчины в первом ряду редко смеются
говорит: «Не знаю, как я буду завтра ходить, а какие у меня были раньше идеальные плечи,
и пресс, и весы, давайте второй подходик.
Какой у меня раньше был пресс, теперь боюсь посмотреть на себя в зеркало,
кошка спит в ведре, романтик не любит свою реальность»

не ходи в темный лес где серый волчок где вода темна от глины да ребер да костяных гребней
луковые маковые кремовые архитектура позднего возвращения вечное ничего
взбалтывать до появления осадка ростовая кукла не выросла
печень из буфета печень орла не ходи в темный лес не загадывай загадки деревьям
средства коммуникации каждый умнее нас загадки о смысле жизни
так ли она к тебе тепла так ли верна так ли наволочки из льна
дарит по тощим юбилеям и не за то мы себя жалеем
что некому сообщить разгадку неразборчиво на ухо там всё так неясно
некому передать свое незнание общих законов жизни
не ходи в темный лес где птицы клюют камни из твоих рук где написано «Выход»
на каждой придорожной стене образец постройки ампира так любовь проходит мимо так не оста-
навливается здесь
автомобили не ставят засечки картографы посмотри как ты вырос за лето
вот тебе за это гостинец заячий лён самый неспешный мех
не ходи в темный лес не называй именами несуществующих друзей неживой природы
пустые тропы кормушки из кефира дневник наблюдений как прошел твой день сегодня
тепло ли тебе красна девица холодно ли тебе день прошел
натура это пластик гобелен ровный крой тихий шаг
расстояния которые пройдены в описаниях заморского туриста
вот сад вот Садко вот детская железная дорога
вот вечные лебеди из шин красота одна

параллельные прямые пересекутся в бесконечности сказал профессор
тогда еще отечественного университета и значит у меня тоже есть время
наши пустые дома блочные хрущевки стоячей воды
бесплатные молитвы на каждый день брожение в батарее
параллельные прямые никогда не пересекутся вкусовые рецепторы обманут прежде чем глина
станет халвой солнце медалью в золотой фольге прежде чем всё станет чем-то
разборчивые жители нашей застройки ре-минор из каждой замочной
прогулки по воскресеньям беседы о судьбах бывшее белое море
параллельные прямые одна другая третья стрелки на стенах
сломанные компостеры ногти зеленка пропуск вот здесь
где должна быть артерия взаимоисключающих обстоятельств
так они прежде прощали друг другу всё и потом немного

говорит знаете пишете статьи создавайте смыслы
не бросайте нашу страну если все бросят
кто тогда останется здесь на первый раз было холодно снег не таял
на пластиковой карточке которую больше некуда приложить исцеленье печали раны
в левом виске теплый целебный гейзер
а кто тогда всю эту сукровицу передовой слепки дом культуры
портреты композиторов с одинаковыми выражениями лиц и годами жизни
возвращаю тебе полонезы твоих телефонов
а если же нет говорит все эти номера с которых некому больше звонить
теории несправедливости пустые вагоны после возвращения кто бы еще
грел эту землю изнутри рассказывал тебе как там с той стороны прицела
запотевшее стекло венгерских автобусов за которым нет ничего
киоски с искусственными цветами простые понятные слова про вечность
знаете говорит просто здесь всё развалится без нас заговоренная пуля шнурок на шее
исторический центр пенопласта желе бетона
разве кто-то хотел помнить вечно раскапывать эти секретки
вот горло теперь обрывается телеграфною тчк
знаете говорит ну да вы ничего не знаете только тот кто видел всё это
и всё равно не полюбил жизнь косую линейку берег
не остался здесь до закрытия последней станции
не помолчал о том о чем следовало молчать
молоко и десять

прожить жизнь друг без друга неизвестные которых накрыло рекламным щитом
молнией под горло туры к соленому морю перфорированный берег
никто не спросит здесь твои документы не сверится с фото
с каких пор ты стала равна себе
мало ревения кладут в компоты здесь мало сахара холод Сахары
обжигает ладонь пальцы не помнят лунный ландшафт на ощупь
прожить жизнь друг без друга ни разу не оглянуться на падающий ртутный столбик и несущие
стены
весь в изоленге мяч пусть не катится в даль асфальта
пусть не считают про месяц кто здесь сегодня выбыл
прожить жизнь или не прожить или прожить
сама по себе история ни о чем вечная нелюбовь низкий гемоглобин прожиточный минимум
но всё что происходит здесь по какой-то причине интересно поучительно разнообразно
просто сложно зря незачем тише звук падающего щита захлопывающегося пенала
автоматического замка разученной гаммы забытой гаммы
истории которая продолжается до начала

под стеклом сигареты которые делают сильнее песни о прошлом
откуда это словосочетание «марлезонский балет» спрашивает девушка рядом помешивая коктейль
кто-то ведь должен помнить всё это здесь в пустующих городах
твоего детства придумывать новые игры
стекло превращая в песок молоко превращая в солод
то что не убивает нежнее почти дороже талончики морские камни
счастье среды перевернутых изображений
время не закончится прежде в ладони растает снегом
поговори ни о чем хотя бы про этих дроздов неохотная ересь свободы
откуда это словосочетание спрашивает девушка пересчитывая сдачу

у тебя будут новые друзья новое платье трикотаж классика никогда не выходит из моды
залив будет мрачен не то что на открытках с пожеланиями любви холодца теплых варежек про-
стых ответов для жизни
люди будут смотреть на лёд дышать свежим воздухом всем обещано вернуться сюда
завитушкой в конце письма плохим стихотворением о чувстве размеренности сожалений
у тебя будет новое платье кукла с одним глазом который никогда не закрывается
хочется оторвать ей голову и узнать что внутри ничего нет с той стороны воды
смотрит всегда не мигая молчит взахлеб снежинки тают на ворсе
у тебя будет новая речь лучше прежней прекрасней постней
никто не учит наизусть слова которые могут объяснить всё
прочерки вокзалов серые улицы алебастр задника тень внутри света
проторенные тропинки ямы для подсказок расстояние до пункта В веру что он есть
у тебя будут новые друзья новое платье ровный шов стали бы мы обещать лишнее
рассказывай до и после потом тепло

как смирительную рубашку с неразборчивым штампом в области шеи
целуешь ли ты ее глаза откр/выкл ни за что
не знать историю стран занесенных в Красную книгу
вычеркнутых из жизни размолотых словно кофр
целуешь ли ты ее глаза когда память возвращается
по букве по слогу по холоду чужих пепельниц
так ли она их опустошает задумчиво не замечает сколько
еще осталось забыть тебе для ровного счета
говорит я избавлюсь от этой одежды смирения тепла в жаркий день
куда отправлять тебе письма все адреса перечеркнуты реки обозначены жирным
куда отправлять тебе письма которые ты читаешь
говорит любовь сильнее электрического разряда многословного анамнеза
скрежета скрежета чтобы выжить здесь надо жить
соковыжималка работает руки тянутся к тесемкам свободы не существует

«Р. Р.»

мы будем жить в Петербурге гулять по Английской набережной вспоминать важные вещи спрашивать у экскурсовода где тот подъезд в котором жил Раскольников знаменитый подъезд но так и не доберемся на самом деле нам неинтересно где он там жил да и был ли мальчик нас так волнует содержание в крови кофеина и большая нехватка солнечных дней в году а еще этот невозможный ветер Финского залива и высокая влажность комната мало чем отличается от раскольниковской старая советская кушетка и окно смотри в окно и не думай если бы Раскольников спал на советской кушетке он бы полюбил эту жизнь во всех ее проявлениях всех старушек и высшую математику и пространство и вообще никогда ни о чем бы потом не думал клопы живут в зеркале пьют кровь не отражаются чтобы не сойти с ума от тишины нужно декламировать Бродского там говорят есть ответы на все вопросы даже на те вопросы которые для нас не существуют но если ты начнешь думать и сам наткнешься на них если ты начнешь думать ты станешь как Раскольников будешь покупать в лавках какие-то странные товары с подозрением смотреть на соседей слышать разные голоса почти полюбишь Бродского потому что человеку нужно куда-то идти так нельзя чтобы некуда было идти бедные люди лишние люди просто люди теперь понятно что все люди лишние людей слишком много у кого-то под пальто топор у кого-то мелочь украденная в супермаркете все люди разные все люди лишние всем некуда идти кроме этого знаменитого подъезда где на стенах вопросы «Родя, зачем ты так?», «А сколько старух еще осталось?», «Мы с тобой forever», «Родька — чемпион» и что обычно пишут в таких случаях ничего не случается

здесь просто так

просто так тебя не простят не расскажут сказку на ночь идет бычок качается вздыхает на ходу
просто так никто никого не убьет никто никого не полюбит всемирная любовь и сталь Путилов-
ского завода

от койки в Чердыни стокгольмской любви к тонким иголкам разбитым окнам
и тьма не объяла его под дверью полоска детское время
живи здесь как хочешь нарисуй дерево скажи это дерево это человек
смотрит внутрь воздушного шара за это ведь еще милуют здесь дают фунт гвоздей
из которых люди пекут несколько коробов красная земля полна тобой
на руки не берет чтобы не привыкал плакать не задерживал движение но у нас ведь еще
за это дарят собольим глазом белым свинцом сахарной костью пролетарской кровью
детским лепетом чаем не выпитым на каждой станции за что когда можно молчать
и море не расступится и двери не закроются некогда живьем на этой витрине
били в дешевые барабаны забрали как есть палочки для битья врожденное чувство ритма
но Четвертый Рим ближе окопы акаций заверения в четной дружбе хитин в коробочке
из которой некуда было убежать божья коровка отвлекает внимание
но Четвертый Рим на твоей площадке письма в никуда маркером едва зажившая кожа
улицы по памяти ведь я этого достойна утоли моя печали совсем бубнит закрывая книгу

так забудут нашу бедную маленькую жизнь нашу глупую любовь
всё чему не нашли слов и чему нашли слова тоже забудут
ветхий балкон на котором незнакомые люди пьют в память лета
и обмениваются ничего не значащими репликами запомнить
эту гостиницу «Мир» советскую архитектуру семидесятых
эту киностудию имени режиссера который любил яблоки
тайный ход в память винтовые лестницы вечный vanitas смысла
библиотека мертвых маленьких фотографий
вот она смотрит в объектив и жизнь продолжается никогда не запомнить
куда нужно смотреть чтобы свет падал в тебя в теплое тьма
и тьма не обьяла твой заботливый контур
тьма не обьяла и серая ретушь и река
вот они забыли всё словно и не было гостиницы «Мир»
«миру-мир» не писали кровью на стене твоего подъезда
не нажимали второпях какие-то цифры словно ничего не было
черных овец не считали до ста чтобы уснуть
так она пройдет мимо тебя репейником горькой мятой
растением вкусом силуэтом в дверном проеме за них
некому даже записку подать но кто-то умел молиться
и повторять в алфавитном порядке теперь всегда
на память не приходит библиотека фотографий очерк о жизни
гостиница «Мир» первая осень или приходит на память но всё равно

пока детство не вернулось мы думали время это стена
в полуразрушенном дворике местный эмбиент теплой тверди
земной красок небес бесприютных пинчеров скука
можно нарисовать всё что угодно свернуть холст ковром
запечатать и выбросить демиурги поступают именно так вопреки возможной невозмутимости
знаєш ми йшли-йшли кудись потім натрапили на стіну по всьому периметру жодної шпарини
що там з того боку насправді мало кому мабуть цікаво
життя бавиться варіантами як захоче мистецтво ангедонія
дорога ведущая в никуда направленная куда-то
раз-два-три разбавить растворителем растения растут
распятія размечают путь вдоль стены вот здесь должен быть лаз
знаєш ми якісь недолугі туристи ніяких фото на пам'ять ніякої пам'яті про фото
роздумів над життям змістовності потойбіччя
зовсім нічого що може тримати тут поки проявлять плівку
рассмотри крупный план внимательно темнота окутывает тело пустопорожье тары
местность не определяет сознание сознание не очерчивает местность
мало тебя здесь держали в пустой воде открытыми глазами вперед наставляли в вере
здесь плавают яркие рыбы жители глубин здесь много мели
знаєш ми прийшли сюди нарешті включили свет сделали уборку обговорили плани на наступний
день
расставили буквы в клетки выключили свет решили спать

я так давно пишу не о любви или о каких-нибудь важных вещах существования тебе просто холодно тебе очень холодно несмотря на ожившие батареи
но судя по девичьим пабликам любовь выходит из моды вместе с невкусным дорогим кофе среднего рода
и даже фотографиями на фоне желтой листвы уже никого не купишь
теперь все должны быть умными желчными скептически разочарованными в чувствах
если я когда-нибудь влюблюсь я обязательно это скрою
как сказал Витгенштейн следует перейти к бессмыслице явной
как сказал Агамбен терминология самый поэтический момент мысли
куда тебе браться прожить чужую жизнь словно она твоя
теплоизоляция ничего не обещала кроме вечности здесь есть другие мотивы для существования
если ты когда-нибудь влюбишься сделай вид что это на самом деле
настоящая жизнь это когда больно иначе как удостовериться что есть а что кажется или не кажется
я так давно пишу одно и то же стихотворение что даже не скучно
одни и те же слова если верить девичьим пабликам слова убивают но кто же поверит девичьим пабликам
запискам с намеками стихам на заданную тему грустным историям мир не имеет начала разве что сам поверишь в то что написал и что теперь

зачем тебе помнить Киев восьмидесятых
белые стены церквей стерильно чистые окна
пустота молчание белый цвет бинтов первая свежесть асфальта
горячего асфальта среднепрожаренного битума
зачем тебе помнить где эта газировка без воды пирожные безе чистотела
ты застрянешь здесь навсегда будешь перебирать старые фото вот ты до рождения
пробираешься мимо героев революции теплых столпов самодержавия родимых осин
зачем тебе помнить Киев теперь столько не живут не любят мертвых не рвут тетради
мутную взвесь подольского масла Аннушка разлила
зачем тебе помнить кто жил в этом доме любимого цвета императора Николая
рассказывал сказки дворникам рассказывал сказки друзьям
детства не признавшим через столько лет никто не помнит тебя
здесь проходит демаркационная линия жизнь под местным наркозом
то чему нет названия но зачем тебе помнить Киев восьмидесятых разделять на до и после
часослов герцога Беррийского загибать страницы стачивать корешки
любовь не лжет не милосердствует не заканчивается не начинается только горячий асфальт
дефицит желудей картофельных очистков воды из крана
морской соли для ванн счастливых людей в метро
зачем тебе помнить

советские радиолампы дорого материнские платы волосы поредевшие от редких шампуней
иконы медали книги которые некому читать что бы еще купить
на что бы еще накопить памяти развернуть ее гордо
перед зрителями яркие картины прошлого прошлое никогда
не приходит в упадок не выцветает ковром с оленями детьми бегущими от грозы
елочной игрушкой кукуруза на белой суровой нитке
если ты будешь ехать на своем бьюике все время строго на север
мимо фургонов мелкой страны бездомных покупателей сора
сеятелей сиюминутного зрителей пустого трамвая
номер ноль светится во лбу горит это депо
расскажи еще что-нибудь полезное разложи по ячейкам
советские радиоприемники голоса принимать пять капель после еды
секреты растениеводства кактусов денежных деревьев чайных грибов
самые лучшие в этом городе ребусы и шарады
но заглушает всё тишина метростроевских чайных глыб объявлений о продаже
если ехать всё время строго на юг земля треснет над твоей головой
атмосфера проникнет в кровь запеленает воском
атмосфера бесконечной любви ничего не значащих фраз проселочных дорог
что бы еще такое купить не нужное никому или нужное всем кроме тебя
рассказывай здесь должна быть некая тайна

говорить о неважном в черно-белом формате бесконечные поиски смысла жизни выяснение отношений

словно из пьесы абсурда и жизнь не похожа на запах гречишного мёда и вот тебе дали два слова сказать в свое оправдание

Адель говорит она тебе нужно забрать из прачечной свое белое платье и фату раз в жизни бывает жизнь и с этим надо что-то уже решать

(спишем это на огрехи перевода) но всё же

белая фата подметает пыль провинциального Парижа

фатовство отчаяния холод пластмассы белая кровь сорная кость

нужно было ли родиться сюда чтобы любить только себя свои реплики в пустоту свой профиль юбку с подшитым подолом

настоящая жизнь проста как речь с наложением уличных шумов

бормотание вечной любви запросы координат нежность без адресата

Адель говорит она тебе нужно найти себя вот мы выставяем свет

вот мы пишем студийный звук тишины рассечения горизонта

кто составляет списки «100 фильмов, которые вы должны посмотреть, прежде чем умереть»
мертвые режиссеры живут в твоей голове воскрешают свои картонные интерьеры картонных
людей правильный свет
мертвые режиссеры говорят твоим ртом пишут твоей ручкой
кто составляет списки хранит в них свою память рукотворную память отворот приворотных зелий
консервацию эти зимы отменяют всегда друг друга
забудь всё чему учили прежде что было не здесь
мертвые режиссеры строят города изобретают религии
свозят города на свалку расчищают место для новых
почему в твою голову никогда не приходят идеи почему жизнь — только опровержение
на последней странице мелким шрифтом дальше «редакция не несет ответственности ни за что»
разучись читать строй замки из битого кирпича смазывай глиной пополам с дождевой водой
холодной летней глиной строй замок без крыши
ни одна история не заслуживает того чтобы быть рассказанной
остается одно — произвол — говорят и приходится верить
это не слова это не дом это не детская площадка с вывихнутым суставом качели
это состав вещества прозрачного вещества без вкуса и запаха
без названия из букв латинского алфавита без твоей памяти на лица
скверной памяти на чужие лица прозрачной воды

где искать противогаз как пеленать пупса пить красное вино бежать на метро «Маяковская»
радиоактивные лучи не разбирают пупс это или Маяковский зачем тебе жизнь подумай
курение убивает любовь убивает стресс убивает время не лечит
нечем дышать в неправильно надетом противогазе
нужно было хорошо учиться хорошо работать хорошо запоминать что где лежит
ориентироваться на местности в пустом городе добывать огонь в лифте вырезать на стенах стрелки
бесполезная последняя пуля ампула с фраксипарином
где-то здесь осталась война это тоже никто не помнит
что сказать пупсу как успокоить его дрожь мышечные спазмы страх жизни
вкус дорогого вина последних запасов спасения они уже тут они почти стерли город со всех на-
вигаторов гугл-карты
не понимают чего ты хочешь от них и ты сам ничего не хочешь
но надо заново вспоминать как дышат вдыхать воздух беспамятства читать иностранные этикетки
думать что тебя кто-то ждет еще помимо приемной комиссии нет при таком обращении с материалом
что вы будете делать в случае атомной войны да вас сметет в две секунды
и никто не скажет что было не зачтено
курение убивает любовь убивает стресс убивает что-то куда-то впадает
наша родина пуста как вена и воздух свеж

у тебя некоммуникабельный характер ты не являешься авторитетом для учеников средней школы
с углубленным изучением английского
с бесполезным изучением географии с уроками политинформации с дневниками наблюдений за природой журналом «Юный натуралист»
так написано в машинописной характеристике здесь всё посчитано все сочтены твоя мама моложе чем ты сейчас
нужно уметь выжигать по дереву делать человечков из желудей
светлого будущего нет но будущее присутствует где-то
к двухтысячному году каждая советская семья получит отдельную квартиру
обустроит советский быт купит новую стенку
стены красят зеленым скамейки красят зеленым ни к чему не прислоняться
это не мастер-класс «Как написать идеальный сценарий» как сочинить свою жизнь чтобы все удивились
рабочий и колхозница плывут в своей лодке куда-то вперед в будущее
нужно смотреть прямым и радостным взглядом не перечислять то чего там нет никому не перечить
лодка колышется на волнах Лета сегодня тепла почти комнатная температура
стены из ракушника покрываются инеем снопы связывают праздничными ленточками заворачивают в подарочную бумагу
мирный атом томится под крышкой восходит тестом на скудном маргарине
скоро его подавать к столу человечки из желудей спят в спичечных коробках
все они моложе чем ты сейчас у них впереди самое светлое будущее теплая Лета

мы будем жить в квартире с ковром на полу с ковром на стене раскладным креслом журнальным
столиком где журналы «Работница» и «Крестьянка»
тебе ничего не хочется не хочется ни любви ни славы ни кофейного напитка из желудей
ни картофельных очистков в кипятке ни фигурок из мыла
мы будем жить вечно раскладывать этот пасьянс на скатерти с бахромой с венозными розами
разъемами так не совпадает переменная вечной нелюбви зелен виноград зола земля зеленая земля
Заратустры
мы будем встречаться в парках пить воду с привкусом малины проверять почтовые ящики синей жести
вдруг кто-то нам напишет тщетные признания здесь ценятся выше
любовные драмы лишние люди клеточки мозг орешник
здесь ценится люстра из хрустального дворца двадцать тысяч свечей
целый свечной завод мог подарить ей красная от зарева дорожка вот и некуда бежать
мы будем жить в квартире с портретом Марио на стене с пожелтевшей снежинкой на стекле
блестки по-прежнему изображают иней
здесь происходят основные события игры восьмибитные человечки съедены хищным цветком
переварены воскрешены принцесса сидит в замке в центре патриархального мира
у нее прекрасная укладка корона из фольги доброе выражение лица
нужно очень сильно любить жизнь и прощать ошибки
сказал гуру восьмибитных человечков посмотри сколько еще у тебя жизней
посмотри что ты можешь сделать для этой жизни что ты можешь сделать как в первый раз
мы будем жить в квартире с видом на лабиринт из персидского ворса
коринфского строя в центре которого ничего нет

как бы ни прожил свою жизнь всё равно будешь думать что всё могло быть иначе
что вон там не дождал надо было больше работать изучать языки мыслить позитивно
не страдать от любви путешествовать гулять на свежем воздухе заниматься спортом вовремя обедать
тогда всё точно сложилось бы так как должно высокоэффективные люди не тратят время на со-
жаления
не тратят время на изобретение велосипедов мысли о том что могло бы быть
высокоэффективные люди не такие как мы они не боятся общественного транспорта
людных мест журналистов официантов
не боятся быть смешными усталыми растрепанными счастливыми бедными даже так
надо уметь прощать себя думаешь
надо уметь прощать всех куда нести за собой эти обиды
страх столкнуться с людьми вечный страх чужого
и кожа твоя потеряет упругость и глаза поблекнут и память превратится в решето
о том только и жалеть что больше не возьму тебя за руку на фоне гербария
не будем вместе везти паровозик на станцию прибытия никто не объявит что всё это было не зря
холодные рассветы запах дыма в волосах горизонт где-то рядом

не то чтобы поэзия находясь в изгнании радовала твой глаз услаждала твой слух
сны про школу прогулы надвигающиеся экзамены больше не снятся а думали что может быть
страшнее
нашей нелюбви записок с последней парты очертаний слов
незнакомых очертаний слов на руке словно тебя заставили помнить
и жизнь будет честна и поэзия принесет пользу и никогда не закончится свет
зеленая краска стен паркетной доски мастика выучи наизусть «Белеет парус» и про тропу и про
горести народа которого больше нет
а был ли мальчик сказали анализ текста не подтверждает данные о нем
не то чтобы поэзия лгала кто тебе обещал вечный рай на земле и запах цитрусов и оливы
каждый день кто тебя держал здесь на коротком поводке свободы манил игольным ушком фор-
точек проповедовал стыд
нет ты не помнишь что будет потом с каждым из нас любым ничего не будет

fraternite

несториане комсомольцы двадцатых комнебед комнезам каморка в которой шитье золотое масляные краски

наверное тоже можно есть это ведь не акварель во всяком случае звучит несколько съедобно императрица в ночь родила стране своей единоутробной

сдобным покровом ниткой кошкиной колыбели

всё что мы еще запротоколировать не успели

неузнанным сбежал из ее покоев среди сурдинок сардин гобоев среди мироточиц и домостроев телку на закланье телу сродни чтобы все теперь остались одни

у нашей матушки императрицы в спальне телефон для связи с Вильгельмом

когда не спится толкуют как подороже продать Горемыкина

на муку и на клей Россия женского рода все говорят надо построже с ней

об этом пишет журнал «Столица и усадьба» все жители нашего муравейника свидетельствуют в пользу учения Мальтуса о недеянии

их тут слишком много они толкуются в метро называют друг друга

понаехавшими обвиняют в отсутствии патриотизма делают селфи с выпечкой

у нашей матушки-императрицы провод в черноморской гавани где двадцать тысяч офицеров водоросль агар

красная водоросль из которой делают желе желе полезно для твоих костей

кости полезны для твоей земли земля полезна для роста

Нестор говорит что Андрей говорит что здесь будет град над которым град над которым

ком воссиял и весь
весь воссиял на открытке «С приветом из Киева» и Думская площадь
так она чиста и светла твоя пустая земля чиста как стерильный бинт пуста как в меди дыра
передайте что я ее ждал и она пришла это верно
матушка владычица скорбей мономахов бросовый скарабей подскарбий места себе не находишь
в разные стороны роешь землю места себе не нашел
несториане комсомольцы двадцатых комиссарские внуки
скромные дети которым некуда деть руки
так и стоишь уткнувшись глазами в пол считаешь до ста
если тебя о чем-то спросили всё это неспроста
умейте властвовать собой знать что любовь это разбой яко тать в нощи ронять разные счета
знать где курок чтобы потом не подсказывал кто-то
у матушки-императрицы в саду вода в аду руда в коллекторе ошип
теплые тела нескольких ум не значит здесь больше чем он мог бы
успенские черноризцы изобретают новые бомбы
разбей фарфоровым тельцем склей клеєм «Момент»
и опять нас обманули сказали что ничего нет
под витриной под строкою длинной под калиною под «Коринной»
скудную толикой помелом словно не строили милый дом
солнце взошло и сожгло нас всех или не всех

первый поэт страны сидит под изображением женщины с хлебами и колосками
строгие черты лица косынка цвета пепла
богиня полей Юнона мутная взвесь осадка
можно ли писать стихи снопы колоски раздавили учиться вычеркивать
не неси смысловой нагрузки
помнить цитаты из классиков прошлого и вспоминать не к месту
никто не хочет включить твой канал на ютубе набирать твою фамилию в поисковике
Юнона слепа как смерть правосудия
красивые женщины безопасные лезвия ограниченный кредит
можно ли писать стихи после всего разные стихи о своей скуке
забалтывать ее неизбежностью можно ли не писать стихи
нет никакой разницы никакой раз
первый поэт страны мало спит много думает о холодных батареях полых маршрутках
о пустых батареях городских маршрутках дорогах куда-то
дождь не меняет своего направления стихи глуше безопасных лезвий
красивых женщин звона мелочи нулевых трамваев депо

считаете ли вы декаданс поэзией но я играю с одним чуваком
дешевле конечно но важно сделать лучше чем Рома
мне как всегда Маша кофемашина это стабильность go Johnny go
девушка надевает пальто надо пробиться
считаете ли вы поэзию поэзией
утверждает что это аппаратура это плохая аппаратура
прекрасно себя чувствует селезенка правозащитники Польша
проводил свой бизнес в Москве ну там тоже
считаете ли вы что вас всё равно не жалко
сейчас ведь есть конституция такая должна быть пропасть
я не могу сладить просто жить как положат
l'amour toujours go Johnny go будет много народу
я предлагал вариант и нужно что-то оставить

кто знал что когда-нибудь надоест слушать Вертинского
читать комментарии на ютубе «почему я родился на тридцать лет позже не застал то время» —
«да вам повезло, голубчик» поскольку время условность
забывать названия праздников в которые тебе что-то желают или просто ставят лайк под фото-
графией чужого города
искать города в которых еще не был чтобы не повторяться
архитектура неверная смерть воздух прозрачен как пакеты для яблок
теперь можно заблудиться спрашивать у прохожих как выйти к центру считать окна домов
кто знал что когда-нибудь земля станет плоской часы на ратуше останятся сувенирные магни-
тики превратятся в опавшую листву
поезд прибует вовремя

самые ненужные мысли приходят в голову по окончании лекции о реальности на концерте какой-то группы который закончился в то же время иностранцы спрашивают «where can we find wine» произносят как «wind» удивляешься что им нужно

пока удивление длится они замечают бар и реальность восстановима кто-то задаст вопрос правда ли что мужчины протоны а женщины нейтроны и какая энергия выделяется при их взаимодействии в любой аудитории есть человек задающий нелепые вопросы на которые пытаются отвечать серьезно и реальность беспечна думаешь как это будет на неизвестных мне языках то что следует произнести не должно быть произнесено а если всё-таки но нет реальность проста как елочка рубашкой вверх отгадай что там нет я не хочу угадывать можно я пойду спать нет я не помню стихи которые детский психолог прописал для поправки памяти идет-качается шишка упала а вдруг у тебя откроются способности а вдруг ты изменишь мир к лучшему никто такого не ожидал а потом вдруг идет-качается шишка упала рубашкой кверху кто там под ней тело пустое впрок пустота так же относительна как и слово «wind» похожее на всё остальное то о чем следует молчать тоже не существует самые странные вопросы приходят в голову когда говорят «это я знаю» незнакомые люди за соседним столом после пятого виски

брошечка говорят крошечка и еще какие-то слова но уже не в рифму
разные слова вне реальности и контекста

в метро полонез Огинского «Україна — це всі ми» «Бургер & Біф»
неисповедимый синтаксис нелюбви — говори со мной о пустотах
когда прощание прорастет простым числом тяжбой которую не проиграть теплым станом
монеты по пять монет под язык класть три раза в день не пропустить
вот она руки греет в варежках всё пройдет говорит и вибачте будь ласка
сладкая-сладкая соль горький мел храните сколько можно придется
говори за то что ты жив за то что ты говоришь здесь на языке который вся кровь иначе
мне нужно куда-то спрятаться
мне нужно куда-то спрятаться и ты теперь меня не найдешь гляди в оба
в метро полонез Огинского поручни со стажем «Бургер & Біф»
я с этим не сталкивалась мне кажется тоже

и ситчик в синий горох и теплые одеяла и сервиз на двадцать четыре персоны и собрание сочинений Гарина-Михайловского и бумажный веер
здесь нужно родиться темной зимой в пуху и меду молчать в тесноте предметов
бесконечных перечней в которых не находишь для себя места
вслед полозьям декламировать стихи о прощании вслед мысли зачеркивать всё черная елка
растет посреди площади звезда на верхушке небо во льду
здесь нужно проходить мимо ночных киосков пустых домов «Мира дверей» переменной облачности солода слякоти
все типовые проекты несчастны по-своему все неродные районы
прячут твою плоть в камушках рассыпают в кормушки
растворись здесь воздух чист и хранит воспоминания океана
какая разница нам после конца времен что за бульон кипел что за вишневый сад продали нет никакой
но бесконечная нежность проступает сквозь наслоения чужих текстов память выдуманных людей
поговорить о чем-то всё равно нужно даже если мы ступаем по кромке льда и под ним осадок
гуща гаданий груз вот он сейчас постучит в окно брось колечко в блюдце
запомнить сколько жизней прошло зря сколько еще упадет в эту корзину
поговорить о чем-то всё равно нужно но мы еще не придумали о чем
это гербарий пыли это «Большая советская энциклопедия» скажут хранить вечно
и будешь хранить никуда не исчезнет свет
вот он сейчас постучит в окно бесполезное знание перевешивает любопытство
сиди здесь и считай чайники считай до ста потом можно уснуть и увидеть Землю во сне и черную елку

и ситчик в синий горох и теплые одеяла и сервиз и собрание сочинений и себя
печь и заслонка и дым и огонь и пепел
пересчитать всё о чем-то ведь нужно помнить разделительная полоса тонка
из набора мелков останется самый блеклый
не говори ни о чем сердце заканчивается луна превращается в сельдь
волны захлестывают ее и несут куда-то

любил ли писатель свою Лару на самом деле или искал в ней только источник вдохновения
что нарисовано на этой картинке белый снег который никогда не заканчивается но Лара
поставила на нее холодную чашку такова зимняя страна нашего детства
она похожа на лабиринт в центре которого ничего нет в центре которого растет ель под которой
погреб
на ели переливается волшебный шар в котором долго пустует дом в котором теперь скучает Лара
греет пальцы желудевым напитком никак не может согреть
к весне власть поменяется шар треснет и упадет на землю
власть над миром которого нет больше за стенами стекла
кто-то подметает осколки кто-то рвет можжевельник
можно ли выжить когда земля полна золы заплетается за кавычки
любил ли писатель свою Лару на самом деле ее кровеносную систему опухшие веки
неожиданные встречи в безлюдных местах или на станции где есть хлеб
ничто не упадет на землю ни хлебные крошки ни кольцо с аметистом камень похож на кровь
за что тебя поливают дождем сдобрили солью и смогом
верят что всё будет хорошо непременно будет
писатель привязан к Ларе история расставит всё в старом буфете

и Плещеев ел киевскую выпечку и Карамзин ел киевскую выпечку и Жуковский был не без того чтобы ее попробовать тайком на камне сидя моя Ленора
каменный детский сад каменный ЦУМ каменный торт камней внутри находится шпек и специальный грот где можно забыть людей ведь мы достойны любого
ты помнишь где у тебя почки они еще до сих пор ноют нельзя жить в хрустальном дворце и быть свободным от его законов
нельзя жить в хрустальном дворце отец не велел тебе устанавливать правила дежурства по подъезду и Плещеев злоупотреблял солью и Мей не брезговал усилителями вкуса
и дети которые счастливы на фото не знают еще что такое ретушь
на первом балконе слева повесить флаг страны которую ты сам создал
каждый день поливать его водой комнатной температуры
выбивать пыль держаться общей линии в каждом дворе есть свои герои
когда они придут сюда у тебя не останется преимуществ языка вероисповедания правильной осанки планов на будущее
карты мира которую нужно закрасить разными цветами
вот страна которую ты создал сам хранил в пенале никому не показывал как она там дышит
кости листья подземная река подземный быт внутри чернослива
находится косточка кому ты будешь жаловаться что времени нет
косточка натурального цвета любовь которая прежде

В. Н.

зима заканчивается здесь только в мае, ты говоришь, что дети здесь подморожены — северные дети, но всё равно шумят в музее Янгеля,
пытаются потрогать через верёвочку диван из его московской квартиры,
а это зал японских подарков, потому что мы — города-побратимы,
но всё-таки лучше учить китайский.
нет, его не выучишь, — говоришь ты, — он интонационный.
скажешь что-нибудь не тем тоном, и в другой провинции тебя побьют.
да и что здесь делать китайцам — они любят, где очень тепло.
зима здесь начинается в октябре после слякоти скользких колдобин.
почему даже возле градоминистрации нет нормальных дорог — возмущаешься ты —
нет, надо жить на юге. человек ко всему привыкает, но лучше привыкнуть к югу.
на пятиэтажке ржавая спутниковая антенна.
нет, летом все едут на дачи, там у них парники, так что жизнь замирает —
объясняешь. когда же тут жить. телевизор? как всюду в России.
вряд ли уж вкусы особенно как-то разнятся.
только не вздумай уснуть здесь на улице ночью — замёрзнешь.

abrupt transition

нервные окончания больше не обнуляют запас боли
белый кафель как в новом клипе «Пошлой Молли»
нет у тебя ни памяти ни ощущений чайник вскипел Везувий красив
на нем цветы стекла белая чайка
она не помнит откуда берутся слова громче синкопы глазное дно всё темнее
молчание говорит о бесполезном с нею
это тропа для красивых видов если оступиться нет не годится для жизни кокон соли небес
узлом подол и вертикальная мостовая
это всё любовь к темноте невероятные приключения Рокамболя рассказывай что там
остается после искр угольков ос в меду бабочек в янтаре
пробуй разные вкусы не останавливайся ни на чем пустотелое время
пробьет два часа разные люди которых прежде в своей нежности к проходящему рисовал в от-
рывном календаре
но ты говорит совсем не изменилась
вот очертания местности в которой вода и молоко и мёд
собрать столько и ничего вот говорит разубедить разве
чайник вскипел бела как мел стена
уголь картина след натуральная охра
не помнить откуда здесь размешать напрасно

венгерский поэт Стефан сказал: «так зовут в бар выпить стаканчик томатного сока немного соли
немного рассказов о жизни тяжелой народ не знает когда умрет
честные люди в этой деревне пока что наперечет
нет они не заслуживают ни жизни ни пули в область затылка
только сожалений о том что слишком быстро опустела бутылка
что рассвет придет на эту землю слишком рано кто проснется в такую рань
ну а ты внимательно слушай если говорит старший по званию лучше встань»
венгерский поэт Стефан не любит разговаривать с мертвыми в пять утра
хочется думать что эта дыра просто еще одна метка на пути к прогрессу вечному счастью масс
нельзя отвечать за всё не всё зависит от нас
венгерский поэт Стефан хочет зажмуриться но поэзия не место для фальши
все хотят узнать что там окажется дальше
будет ли воскресение в час последний счастливый час
где с отбитым горлышком свобода припасена для нас

вот говорит Андре синий цветок чистотела краситель беж
города окорок ветром витрин несвеж
полым окопом любовью как винтовой клеммой но вот туда же они ушли
из другого семантического ряда беруши с таким неприятием реальности да сюда
неприятель уже под Руаном каждое утро является пьяным привратница вяжет варежки теплый вар
заливает горло не простужайся больше не лежи во рву
спицу держать двумя пальцами удерживать равновесие
насколько хватит сил земля-масло масло-земля здесь ночью ходить нельзя
нельзя торговать петлями нельзя притворяться бедными закутываться в баску
жалко всех и значит никого мёд горек медь сладка разбирают с лотка разборчивые жители пред-
местий несут сервизы невесте
складывают пулю к пуле в чайник с цветком
потом достают по очереди кому что попадетя

десять лет война противопехотная мина йогурт охрана отмена
соединения нет на площадке лёд стекло позитивное мышление не помогло никакое мышление
не помогло
а говорили нужно учиться выращивать латук когда-нибудь это пригодится
нужно купить пистолет и спрятать в ящик стола
всё это говорили но грамматически верная речь не помогла
как организовать пространство по своему выбору мальчики в подвернутых джинсах
ни убегать ни приближаться к линии разграничения не остается смысла
цель слишком мелка жилка пульсирует на виске синоптики оказываются правы
морские звезды последнего дня темные камушки без оправы
ровно ложатся на ладонь и не тронь эту линию фронта лезвием от порезов
или плакать по ком-то или верить в живых заваривать чайный жмых
сложно верить в живых и оплакивать их заранее глядя в лицо пряча руки в тепло думая никому
не помочь всё равно
это привычка холод под кожей коллапс коммунальных служб тени под глазами
даже неинтересно что происходит с нами когда никто не смотрит когда нас нет
радио говорит что скоро весна радио говорит всё по-честному
все известные нам слова перестали значить
теперь нужно открыть глаза и всё повернуть иначе
десять лет война гильзы безобразные Эльзы подъездов блокпосты внутри и снаружи
пространство которое может быть сжимается старые телефонные книги треплет ветер
дети учат азбуку перечитай забытые фамилии несколько раз телефонные коды городов из

которых не отвечают
воскресения чая судного дня наполняя пластик мутной водой предзимья
мама кто все эти люди кровь у них тепла лоб горяч руки холодны пустые дома воронки
тонкие перегородки между хлипкие стулья просто бросить одежду
зачитывать всё подряд думать что это некий логический ряд
потом сокрушаться что воротник измят

вино и косметика цветы и тлен юбка ниже колен
работа в несколько смен шпалеры из Арраса не потерять ни разу липкую мелочь в городе
проходите не толпитесь на платформе тюльпан
в горле тепло и почти забыла как плакать
плакатная речь соседей продавцов меди холериков по темпераменту чужих мужей
почему больше никто не говорит с ней
проходите не толпитесь на платформе не рвите талончики как бы их и не было вовсе а если
найдут это чужой грех
медная синева теперь на устах у всех
вино и косметика прополотые клумбы окученные остановки тюльпан в снегу
снег в снегу ничего нет буду скоро

обойдемся без этой искренности последней
без дрожащей руки в синем пластыре над огнем
здесь никто не теряет ключи половик в передней
неподвижен и стертая медь не видна на нём
обойдемся без памятных дат не для тех кто выжил
тихий скрежет зубовный троса последний сбой
и реклама «Компьютерный мастер» остаться ближе
невозможно к источнику света чем мы с тобой
и смотреть в темноту где на лестнице пробки выбив
ненадежною кожей врезаясь в разводы стен
никого не жалея не спрашивать: «Вы могли бы?»
и в пыли штукатурки скучать отрицая крен

делать кораблики из книг пусть плывут до Финского залива воспоминание некрасиво
безглазые дома три четверти пол-оборота наверное потом их прочитает кто-то
плыви-плыви на восток дворник убрал мосток руки опустил в гречневую крупу
там согрел их жизнь всё равно не грех кровь поднимается вверх по жилам фонтаном бьет из
мрамора милым
тут не житье заколочен первый этаж
не вынести вещи и с кушеткою не продашь
не кормить гуппи не искать ости в супе
не разговаривать с незнакомыми снег падает в кружку хлопьями комьями
каналы северных столиц собирать чугун и тряпье
разбирать по буквам потом опять собирать имя ее
через две тысячи лет здесь будет столица империи монеты на веки камушки в рот
указатель надворный советник здесь прежде жил и ныне живет
у тебя не останется выхода только идти никуда не сворачивать пройти несколько кварталов
редакция не несет ответственности за содержание переписка запрещена

как будто мы и не рождались вовсе,
не бродили под барочной балюстрадой Парка Горького, и только
ягнята-мотыльки молчат в молочной пене, сойка,
съедобный колос до земли коленапреклоненный,
свинарка жметя, и пастух дорической колонной сожметя
в мирный атом на твоей ладони, скучным садом
разверстая земля, и места нет для поцелуев,
к жильцам большой земли, конечно, не ревнуя,
как будто мы и не рождались, одиночеств зависть
толкала вслед, и бодрый голос Левитана
сбивал со счета «три» прицел, остаться странно,
девятый круг пройдя по ниточке исхода.
сегодня, как всегда, хорошая погода.

граница — это от слова «грань», просыпались в такую рань,
вспоминали поля цвета скатерти Пиросмани
и водицы чуток выбивали в забившемся кране.
черный ворон кружился над выгоревшими костями,
сувениров на память для всех любопытных возьми,
пожалей, что, наверно, не станешь искусным гравером,
чтоб по чуткой отчизне проехать на фирменном скором

и попасть в молоко из разлившихся рек при пристрелке,
все усилья любви что бесплодны, мы знали — так мелки.
граница — это от слова «гранит», серый песчаник мокрый.
спецкор в новостях твердит, что за окнами бродят огры —
мелким детишкам нечего делать в ночной степи,
ты отдохнешь, до утренней потери.
ложки считают, простыни сложат в саван,
учебник зияет в пустоту прецедентным правом,
перекати большое сонное поле —
переплести его для альбома что ли.

* * *

не плакать больше нам на реках Вавилона.
трагических сюжетов, перебранки хора и гостей
приемник выключив, во тьме нашарив сонно
на стенке, где страны какой-то вождь, потом разлей
по третьей что ли, ибо сбились мы со счета.
дитя в коляске падает за три пролета, кинокамера строчит,
и шпулька вылетает, катится, вернуться в воды плода
мечтает. в черно-белом незаметен местный колорит.
но плакать больше сил нет вовсе, и теперь к войне готовься.
домашнее задание, в котором опечатки отыскал,

несешь учителю. с той стороны, где в небе мягкость ворса
сливается в одно с металлоломом скал,
не плакать ни о чем, слезы твоей не стоит ибо
вся кровь, что землю пропитала от дороги до
поселка, где в тебя теперь стрелять могли бы
под арию Манон Полины Виардо.

словно жена Лотова у лотка с яблоками и уксусом говорит да не боюсь я их ничего не забыли не
научились ничему
на крапивной площади построить гастроном и тюрьму
немудрено выкликать по имени вы вернитесь живыми мне
зрачки не реагируют на свет не осталось которым можно верить примет
три раза обойти вокруг города доверять упаковке что кофе молотый
где север где мох какой по порядку слог не помнить посмотри что там осталось кроме пепла и
кофемолки
когда раны асфальта затянутся осколки витрин вернутся по рисунку разреза
земля вернет этот поселок из войлока и костей
прижаться к холодной поверхности говорить о ненужном с ней
нет говорит просто усталость накопилась просто плохое снилось
ничего не случилось тут ничего не случается
от рождества смотрим в окно на крещение пьем из вишневых косточек вино
нужно поехать куда-то но зачем никогда не оборачивайся
впереди стена местные острословы пишут на ней «выход» разные там слова
никогда не оборачивайся простые вещи сложны остальные без надобности здесь
говорит забирай свой уксус иди вон туда где море

нет говорит никто никому не сторож это кровь дурная всего лишь
выйти должна наполнить эмалированный таз не хватает терпенья у нас
мух считать на беленом потолке прятать порезы на левой руке
спрашивать это ли не дом виднеется вдалеке
нет говорит сторож закрыл ворота на клеенке следы компота
неприятные дни опять говорит суббота
словно лампочка в степи верхний свет для сумерек и рассвета
ничего не виднеется там говорит нет это просто сквозит где-то
матушка брось мне кусок сдобной булки в пропасть пустую что вырыта здесь за домом
ветхие вещи прошлых времен укладывать настом собирать по знакомым
это пензенский сарафан фальшивая фирма паленая этикетка
вместо линии жизни остался шрам да он и носился редко
это детская шапочка крест-накрест перевязать под шейей
глина падает комьями в воду отъезд с Ленинградского утром левее
белым пятнышком карты постным мослом из игольного магазина
это точно виднеется чей-то дом молчит протяжно и длинно

нет я не помню мрамор Веймара говорит все эти симптомы ОРЗ надежду что дело уже к весне
письма к царю о нашествии галлов любви в этом мире так мало
нет неуверен еще твой рисунок рука так дрожит светотень как густая проседь
словно можно забыть у дороги проселочной бросить
это макет солнечной системы это столовая где мы едим эскалоп обсуждаем Европы закат не
виноват никто что всё так сложилось могло быть и по-другому
могли найти стоянку где-то поближе к дому
сколько веков этой Диотиме спрашивает как вы думаете раньше статуи были цветные
а так не понятно по ним ничего белый цвет это пустота и мыльная вода в крови
когда Европа закатится за пригорок тогда и поймем как хлеб наш отныне горек
кого отправить за ней исковерканной дикой грушей косточки все наружу
кого отправить за ней и оставить там волосы для ткацкого станка двенадцать рубашек
нет я не помню к чему здесь теперь Диотима и мёд и вино и промокшие веки и полдень
так ее хранят в самой темной кладовой показывают гостям как диковину
и тень ее бела и рука прозрачна

Врубель устроился на вредное производство иногда пьет
жена по праздникам прячет вилки в комод
прячет в подушку лицо цвета спелого аспирина
в подъезде висит календарь на котором чья-то картина
краем глаза видна да разве можно так ну к чему эти квадраты
горячится но в типографии «Красный рабочий» тоже не виноваты
или от крови в глазах рябит или рыбий жир останется на манжетах
тлеет «Физика твердых тел» в ребусах и ответах
чем-то ведь нужно себя согреть кроме надежды что всё проходит
в печи чадит медальонов медь спектограф на развороте
нужно ли запомнить себя дотла растереть щепоткой расплавить
прядь в угольках так была светла никуда не заводит память
на храмовые праздники покупает сирень считает соцветия каждый день
должна быть какая-то тайна раскрыта жена просеивает пепел сквозь сито
но там ничего нет луна светит в затылок
сквозь шнуровку портьер в теплой воде обмылок

так что ехала-ехала и не приехала наши читатели не любят трехлитровую банку с чайным грибом
наши читатели всегда хотят узнать что было потом
быть может она застряла в подземке чужой страны утонула в недрах Берлина
проехала свой вокзал свой выход забыла наполовину
дитя и русалка и девушка в синем пальто
таких тут под утро уже не заметит никто
здесь нужно забыть языки из грамматик Марго и Шарминта плыть мимо телес
и фресок прославляющих труд и пустых домов и лучших дорог
и никогда не просыпаться только вздрагивать во сне когда объявляют следующую станцию
как это ехала-ехала и осталась на том же месте как и не было расставаний духоты в вагоне
историй из жизни которые только слышатся кто не
вышел вовремя не закрыл судки с копченой курой не смел крошки в пакеты
не спросил все ли уже на выход одеты
только видимость эта вечная невозможность встречи возвращение в точку А
гранатовое зернышко капля крови на древке веретена
вот она выйдет из вагона окинет взглядом Bahnhof простится с мыслью что движение возможно
усадыбы гипсовые Амуры Психеи тина прудов листья отечества
нарисуй свою страну расскажи что ты видишь здесь
так она выйдет из вагона найдет носильщика за последнюю мелочь
вспомнит чем Futurum отличается от Perfekt
и окажется что ничем только это после

никому не говори о короткой тропинке по которой пришла сюда
книжки-раскраски для дошкольного возраста снег под которым мясо
корни подснежников опутывают кошкин дом огонь не горит на ветру не заблудиться ни разу
невозполнимая потеря витамина D будет в нашем оркестре играть на трубе
будет басни читать где лиса и Овидий делят общий кусок никого не щадите
он сказал им и так поступать было проще
было проще замерзнуть во льду пролежать до рассвета да треснет ледник
сонные дворники возвестят что Господь велик
трещина пройдет по лбу и упрется в темя
не нужно ходить в темный лес и в общем дружить не с теми
безблагодатное время компостеров чайных пакетиков с мандарином
если просить о пути то ли о коротком то ли о длинном
сутулом городе с плеч красной поддевки мертвого полового или ветхой шинели
пусть бы они не глядели со стен и афиш и трамваев
каждый пожар в этом чайном лесу неслучаен
только лишь случаем объясняется ничто простым случаем сличения голограмм
барышня покупает дрозда чтобы отпустить ошипав беспородного птенца
просто жизнь сложна можно лететь в кипяток можно петь о возможности пенья и кубиком стать
для бульона
или затемно в снежки играть поскользнуться на Миллионной
где будет ледяной дворец где будет город-сад где будет дорогой керосин
никому не говори лишнее знание скорбь лишнее незнание радость

здесь будет ледяной дворец здесь будет город-сад
здесь будет расти рапс здесь будет сосновый бор шоколад ковер пыль снег
и ничего что бы могло сложиться в некий перечень логическую цепочку бытия никому не
говори

откусили мишке Паддингтону лапу уронили сердце пряничное на пол
сердце не камень не камушек сладкий цветной
несет меня лиса за поросшие рекламой здорового сна берега
за косицу щелкунчикового племени нежелание нервы лечить пельменями
удачно выйти замуж и столь же выгодно развестись
нет лиса бархатная шкурка останись
здесь идет большая врезка о вреде социальных связей
реклама крема для похудения и февральской целебной грязи
твое одиночество лучше тебя знает кому вцепиться в загривок
кому рассказывать что там за поворотом
выезд на встречную остановка в снегу
за поворотом ничего нет
разве собирался жить так как оно случилось
завязывать узелки на память придумывать памятные даты
доказывать свою необходимость каждому поперечному столбу линии ЛЭП продавцам пряностей
серьезным разговорам ни о чем собирательным образам собраний сочинений
утешать себя разве кто-то мог притворяться лучше
в ситуации когда линия ЛЭП слепа лиса кусает свой хвост
линия тропы рисует ромбики рамы рано сердце подсказало что здесь
твоя остановка ни одно окно не светится
у консьержки пасьянс потрепанная Донцова
всё говорит о том что нужно всё начинать снова

через пустые поля клеточки неровные линии льна
где они сойдутся теперь под равнодушным глазом

вот тебе гадкий утенок андерсеновского разлива
кто-то сказал что в мире всё должно быть красиво
перья цвета воронова крыла глаза из мраморной крошки
царапина на боку это всё соседские кошки
мир не будет тебя когтить слишком долго ты ему не так интересен
и не вывернет наизнанку в поисках новых песен
разнесет по перу по полочкам по кредитам
смерть красна на миру но кто бы хотел зашитым
в эту наволочку лежать и кровь вперемешку с пухом
пускай приснится тебе опять и станет пылью под ухом
вот тебе гадкий утенок чистый лён ни примеси лишней
не по годам смышлен теперь закопан под вишней
вороны косточки клюют цвета чистого аметиста
вот кто-то умел создавать уют чтобы тепло и чисто

на самом деле один как человечек в скрюченном домишке
тексты чужие сочинять выбрасывать слов излишки
рисованным котом британская вислоухая в плюше
есть бесполезную пищу пуще всего не жаловать груши
на самом деле есть вышний сад вишневый где столько
тебя не ждали что пустовала твоя последняя койка

пришел завернут в клетчатый плед с кружкой горячей живы
все кого никогда здесь нет в руке семена крапивы
давайте сад продадим зачем он сохнет сходит на порох
он так прекрасен но вместе с тем измятых копирок ворох
испачкает пальцы пиши как есть он продан за десятину
музейный киоск закрывают в шесть нет график я не подвину

мы жили в Грассе выпал первый снег открытки глянec Кирико в прихожей
под утро на трансляцию помех смотрели молча и в манере схожей
писали тексты «родина слепа любовь теперь темнее негатива»
и сырость согревала погреба чужой страны прощаться некрасиво
вокзальной грусти тусклое табло названья городов где нам по сути
казаться счастье видимым могло но не могло теперь не обесудьте
кто изобрел стекло как прежде Грасс пошел бы трещиной от замка до подъезда
и только тот кто вспоминает нас прощанием последней встречи вместо
силки расставит божолe в бокал нальет один всегда и тот надщерблен
ты думал это пять утра вокзал где устрицы и под гудок ich sterbe

мой дядя Курчатов работает в KFC говорит «свободная касса» крылышки соус из кетчупа соус из майонеза
дети приходят держат его за бороду делают селфи в красном уголке ищут иголки в стогу
он говорит: «ну что я вам хорошего сделаю чем вам ребятушки помогу»
мы замерзли в пути возьмите вот эти размороженные мюсли
не так уж они плохи как может показаться на вкус или не берите враги окопаются в общепите
так и разрушают страну самую лучшую страну это у них мир означает войну
а у нас яблочки пчелки на полу разводы карболки
песья голова на плечах первой красавицы бель эпок
ну а что вы хотели ученый всегда жесток
это подарочный бургер в нем бомба и робот со вкусом инжира
не выходи на улицу на улице кровь в желобах на улице ничего нет
мой дядя Курчатов говорит что мясо это зайчата поросший мхом специальный дом сиречь в под-
корку тебе впечатали ад но даже от ада не будет толку
толкаются хватают грязными руками быстро едят
кто вывел эти атомы этих упитанных октябрат
этой октябрьской звезды во лбу неугасимое пламя
кто по громкой связи сейчас обещал вот вернутся в класс
и не толкаться светлое будущее одно на всех толкаться огромный грех
главное взаимопомощь твердая вера в успех
через двести лет здесь будет город-сад и теплая свалка
поэтому никого никогда никого не жалко

картофель фри хрустит в руках словно кости перемелются будет хлеб
теплый хлеб теплый картофель фри теплая кола
карта родины золото из распоротого подола
вот на нем пыль вот на нем кетчуп и сок
и впереди никого а теперь кого подразумевал Блок три варианта

закольцевал бы жизнь что так честней любую рифму затереть до дрожи
а если нет то что бы делал с ней еще один теперь и этот тоже
послать бокал не рассчитав аи салфетку смять смотреть как тлеет воска
опарыш вспоминать стихи свои и понимать что это слишком плоско
ведь можно было так и о любви сказать что вот любовь вот метел скрежет
автобус на окраину лови хоть что-нибудь пока тебя не срежет
на детской истине механике простой дробей без чисел тел небесных мраке
любой учитель школьный и конвой при орденах кокарде и собаке
ну что ты скажешь им земля есть Бог любовь есть смерть и смерть любовь пока что
пока страдать скучать прощаться мог в одну воронку оступаться дважды
здесь круглый лабиринт здесь южный мох здесь Минотавр баллончиком на стенах
от плача и салютов не оглох пока твои еще не брали пленных
здесь детский сад и тесный гастроном сожженный лифт акация у входа
забыть теперь и мир и май с трудом пытаться вспомнить потеряться кто-то
здесь прежде жил свечей перерасход воды холодной пятна на обоях
потом по стенке пробирался вброд и думал что не встретит их обоих
не целоваться за руки держась не рыться в памяти как в выцветшем комод
твоя ли жизнь почти не удалась он их не знал они не знали вроде
кто первый тянет жребий дальше быт услуги служб и коммунальный холод
как сладко всё что сердцу говорит и первый снег как первый сорт не смолот
так прежде ты любил читать стихи и «Разное» бесплатных объявлений
принять ли в дар сбежать ли ну беги куда-нибудь в промозглый сад осенний

свободы нет и воздух чист и свеж окрашено и лучше не садиться
кто нас любил скамейки цвета беж и чистотела первая страница

так и катится фургон «Хлеб и мясо» по 1-й ул. Деревенской бедноты
молчат транспаранты с пожеланием вечного мая
холодные пальцы весны на секунду не разжимая
укутывая горло горжеткой содою теплой едкой
добрыми следователями приносящей утром дары соседкой
возьмите пластмассовый самосвал и этот фальшивый фамильный лал
но только чтобы никто о последствиях не узнал
мирный мир так мал слаб и убог и холод
нарисуй на ладони серп и на предплечьи молот
и говори свой заговор у Аркадия не боли у Левкадии три рубли но любовь не проходит коли
лучше не выходить из назначенной сердцем роли
это безопасная сторона обстрела вода в легких никто не ищет путей легких
никто не ищет путей разных бесполезных затей
воды из Невы зеленой травы обращений в пол-голоса и на «вы»
тихой музыки Шумана громкой фуги последние ложки украли слуги
и унесли на Сенной мертвого соню диван дрянной
скукоженный меж пружин былой диалектики блудный сын
живи тут всегда пока не поднимется до восьмого вода
фургон «Хлеб и мясо» «Пули и молоко» «Сажа и мёд»
говорят здесь давно никто уже не живет
не рассказывает сказки как было при старом режиме
всё стало легко стать друг другу чужими

проще простого без присмотра по Невскому не ходить
ранку навывлет под третьим ребром напрасно не бередить
не переходить на красный ждать когда настанет черед
куколка на капоте где «Молоко и мёд»

dolly out

натереть размешать растереть до боли посветить под горло нашатырем
вырежай локоток силуэту Холли закроются двери искать вдвоем
кнопку вызова и просить виновато прислать бригаду пока светло
словно мерзлая кровь на окне помада с бесполезной цитатою из Лакло
и не то чтоб я счастлива но предвижу что закончится всё всему есть предел
и в пространстве пустом нет горечи ближе параллельной плоскости полых тел
всё пора забыть темнеет здесь редко и времени нет и не прощены
на последний пробел упадет каретка под конец разомлевшая до вины

так вот и скажут «вы убиты» и в галерее где Давид
на эти мартовские иды с далекой пристани глядит
и каплет кровь с палитры тихой и полон сад и льется речь
не всё ль равно уснуть за книгой или в пустую землю лечь
найдется здесь всему отрада и оправдание и стыд
как будто в чудо верить надо и чудо не переболит
и плоть вернет налог подушный и буквы лезвие сотрет
и расставания не нужно а может нужно ну и вот

разобрать себя как фантик love is на цитаты крестословицу без слов
сколько мы потом запомнить собирались и в шкатулку красным палехом улов
детские рисунки дом без дыма горлышко кефали без кормы
и едва на черном фоне различима эта точка бледная где мы
так ли нужен этот контур броский разведенной тушью без сангин
от любви печали бедности обноски прочерк невозможности один
так ли нужно всё сюда сложить для каталога и по рубрикам бессмертья разнести
помолчи со мной теперь еще немного и куда-нибудь весною отпусти
отнеси пустой открыткой вольно адресату «С Днем рождения» по буквам вырезать
и последняя где «я» совсем углом примята не ложится в строчные опять

но в такую погоду не выйдешь из дому то свинцовая пуля то град
а потом у Маковского дворник солому подметает копейке не рад
и на каждом шагу то любовь то разлука то до гроба то рифма проста
пропуская в себя одиночество звука всё из гальки подсвечник с моста
пусть он дальше плывет мимо кирхи да Спаса вдоль по карте в бумажном цвету
и костяшки стучатся в закрытую кассу и последнюю рыбу кладу
я наверное здесь не достав из кармана ей подобных дробящих в живот
эту первую смерть навсегда без обмана на конечной она оживет

без объявлений остановки (зачем судьбе так много слов)
сложили в головах обновки да укатали в Могилёв
ты помнишь всю любовь до гроба и скрип иглы уездный двор
так мало жизни надо чтобы простором южным до сих пор
на фотокарточке где прочерк от сих до сих под козырек
густой метлы тире и точек чернильной горечи моток
ты помнишь всё и что за дело креольчик нёс шкатулку в лес
и сердце бедное немело под белой скатертью небес

так вот и тело твое распадется на мел и глину
на белорусские спички и карамель «Дюшес»
детское время ноль восемь копейку к зрачку придвину
сквозь поредевшую кожу пробор серебра на вес
так они машут тебе из далекой прекрасной дали
под неприкрученный вентиль где пепел ресничный врозь
за берегами тепличного Брайля забыли пострадали
нет вам размена печали и выбрать не удалось
где по ребристому гуртику цифры твоей кончины
добрые девушки пишут стихи дракона разить копьем

речью сошедшей как мельхиор с отколовшейся половины
теплое тело твое избывает тебя живьем

то, что я помню наизусть
про «liebe dich», а потом «ich sterbe»,
не вызывает светлую грусть,
прежнюю грусть, но бумага стерпит
скудные памятки: «выпал снег»,
«завтра купить крупу и селедку».
что тебе делать теперь без тех,
снегом кому выстилают кротко
красной дороги куда-нибудь
для безбилетных с культей дрожащей
их полотно. пятьдесят на грудь,
влево чуть-чуть. и дышать бы чаще,
и улыбаться, когда на свет
вылетит птица стеклом наружу,
только в стихах окончания нет —
снова строку забываю ту же.

над корешками книг запрещенных и старыми песнями о влюбленных
и светом над вечною мерзлотою истории больше не быть простою
павлиньим пером из медвежьей шкуры фамильным пирожным от тети Шуры
так глянец вины и здоровой пищи тебя заставляет казаться чище
разгадывать дым от его «Казбека» с отменой пропорций кладет под веко
твой старенький дом вечным детством мертвых во всех очертаниях полустертых
ты видишь теперь на ковре где Репин и серенький волк там из гипса слеппен
и плачет Аленушка над водою истории больше не быть простою
истории больше не быть и чудо поддельною подписью ниоткуда
проступит а лучше бы акварели во что бы мы верили как умели

да и не жарко у нас не то что в родном Петрограде
Бердяев пишет статью о соблазненном стаде
наборщику отнес наборщик выбросил яти
молитвы бубнил под нос и лезвием Христа ради
одним казанским крестом от ключицы до уха
Бердяев выжил потом но слышал гласные глухо
купил в аптеке один пакет порошка в цидулку
а был ведь чей-то он сын и в ухо падали гулко
Анна-Анна безымянно лежит в лимонаде «Колокольчик»
истопник ей в левое ухо льет целительно йод
а в правое ухо поминальные песни любви поёт
да и не жарко у нас и не холодно всплыла в некотором отдалении
от городских коммуникаций
и растет в кружке с водой скоромным грибом-коробом
а Бердяев несколько спичек украл у прошлых своих хозяев
стыдные тайны хранит на тыльной портрет
are you going to be from the capital of this state
вот и давеча застрелился сначала в диву одну влюбился
а потом всё равно застрелился и все сказали что он эстет
и вода каплет из уголка все сказали что это река
но откуда река на этом пятом на квадраты снова разъятом

Бердяев видит что это неплохо от черного Бога в петлице
так и будет ковыль домотканая степь до парадной стелиться

нет попомни мое слово мы с тобой не увидимся снова говорит
скоро Верден последнее мирное лето мир треснул по шву
и прочие штампы в которых я дальше живу
можно просто сказать mutabor не зря прочитали Гауфа и латынь
не молчи да исполнится прежде всего до рассвета сгинь
вот нечистая мерная поступь истории знак вычитания корня
тесные босоножки твой линкор убит на первый раз все утонули
серебра самородок пули ровно ложится сердце твое похоже на
тесные босоножки но вот все вернутся обедни заказывала жена
питательные обеды из трех блюд и компота
смерть это не то что жизнь это утомительная работа
нет попомни словарный запас уже не спасет никого серебро вкуса олова меди запекшейся крови
кровь в висках молчит и это чувство пока что внове
поверенные слуги любимые femme хрусталь «О Германии» книга мадам де Сталь
да что они все там знали пометки только вначале
смерть это просто скука в буквы щуриться близоруко
изобретать свой детский трехколесный велосипед
никого нет рядом совсем никого здесь нет

иностранный шпион оказался девицей из Лодзи
надевая манто на свои сиротливые кости
на пивные ларьки надевая кумач ноября
столько красных открыток и первая жизнь за царя
столько красных открыток и угол затертый где адрес
словно в жизни чужой и могла удержать лишь вина нас
незнакомое имя центон где всегда и во славу
перестроиться по часовой поворота направо
отвели за овраг подержали лицо над корытом
лучше жить на войне или в мирное время убитым
для пошива знамен разлинованным стянутым в узел
нет пока что еще не убил лишь немного контузил
это руки дрожат кто сказал что сегодня от страха
оплывает ноябрьским дождем силуэтов бумага
так тебя вырезали на свет точки ставили мимо
освещения нет эта музыка неотвратима

от сердечной недостаточности любви от невралгии верхних полков Макондо
теперь всё ближе колокольчик звенит на вокзале гордо
потерпи немного еще степь глядит в того кто к степи равнодушен
всматривается в него на ощупь в поисках сколов или отдушин
неужели этот хутор на пять домов то о чем мы столько читали
праздничные черепа на магнетиках несоленая кровь граали
второй в подарок экскурсовод считает в пути отставших
такая натура вот-вот уйдет новые туфли из замши
посмотрите направо здесь жил майор да в общем-то это обычный двор
какая разница кто здесь жил когда на земле воцарился мир
и мы наконец-то перестали хоронить своих мертвых
сортировать их как пластик и мёд в зависимости от сорта
предоставлять им жилье по вкусу вот это майорская типовая изба
чисто выметены полы сошла на винтах резьба
ничему не учит история никогда расчесывай лён и слушай
как музейное веретено скрипит и верней и глуше
никто не смотрит на тебя с той стороны экрана
никому не интересно что скажет дальше гид окончивший курсы в Приморских Альпах
растет ли в этих краях боярышник или скажем катальпа
сколько рунных овец выпасают за год в этих угодьях
королева смерти статистика будем без сладкого мы сегодня
пересчитали всех вон та пара из Гомеля мать-одиночка ребенок в синем пальто

все остальные люди которых тоже не узнает никто
грузятся спешно в автобус и засыпают под скучный блюз
от равнодушия во сне улыбаясь за воротниками блуз

у императора ромеев корона из черного аконита
что-то такое в море черном в крови чужой так разлито
смертию юность свою поправ император ромеев это удав
глиняной плоской хлебает свои слёзы
пантократор покамест его спас но уже посматривал косо
это бульварный роман с элементами готики у кого-то выкололи глаза
кого-то сбросили в ущелье на растерзание орлам и всё задокументировано
вот пример как нельзя потому что ты называл меня византийской принцессой
и больше я ничего не могу о Византии вспомнить
у императора ромеев дворец похож на скорлупу из трещин
на морскую звезду на вершине самой высокой горы на склизкого опарыша
думать какого там еще на расстрел ведут сегодня товарища
просят загадывать желание побыстрей курить свой мир по частям но быстро
отмечать все храмовые праздники день отечества и связиста
на задворках империи так неказисто варвары и латиняне
наполняют амброзией черепа подносят осколки няне
Евлогия шлет монахам счета до сей поры и казна пуста и азбучные истины для самых маленьких
Евлогия должна выйти замуж за латинянина или уйти в монастырь
или сначала первое а потом второе но никак не наоборот останки свободы воли
ее багрянородный шелк вместе с червием в пыль смололи
так и смотрится в пустоту как в морок вод Галаты
император ромеев помнил вон ту но тоже исчез куда-то

вот и оттепель твоя заканчивается подснежники Красной книги распродают со скидкой
в крови автоматов жидкой шиповник из общей тары в остатках земли колена
очередь здесь никогда не заканчивается но дожждаться всенепременно
нужно своего дня и часа вывески «Закрыто» в горле сберкассы
правильные ноты вывихнутых суставов
составителей апокалипсиса толкователей общевоинских им уставов
мало присылают сюда пора ковать кадры пока горяча ладонь на холодном лбу
пока выдают в одни руки пять коробков и крупу
и овсянка поёт на деревце чахлом в кефирной кормушке млея
оттепель не начинается никогда на несколько сот теплее
в плотном пчелином рою виньеткой соленой едкой страны
где лучше вы говорят проходите мимо здесь только царство вышнее только душа любима
а чем еще усмирить плоть как не розгой проходите мимо лучше пока не поздно
кто как мы взыскует Града Божьего и сладкого йогурта творожного
наслаждение которого ты достойна и плоть слаба и душа покойна
не закончится никогда эта игра в города они тебе «а» и ты им в ответ «а»
натура мертва на древе ларец в ларце утка имышь
скорее всего и ты просто сейчас не спишь

все эти мальчики девочки одинокие филологи конца нулевых
обязательно скажут что стихотворение — это не «стих»
помянут к ночи Джойса Северянина и Гладкова
ничто не ново под луной нигде ничего не ново
официанты закрывают счета ждут пока допьешь свое пиво
после жизни чужой здесь наверное некрасиво
оставаться ждать метро помесь гари и кофеина
время ушло но наши писатели в целом писали длинно
хватит на всех несбывшейся нежности в неразборчивость самиздата
в майский озноб пересказанный нам когда-то
в лишнях подробностях тонет всё и всё сохраняет память
буквы теперь ни одной наверное не исправить
буквы теперь ни одной не проступит на этих стенах
где сплошной чередой купцов и военнопленных
распускается ноль последнего турникета
где количество слов зачтется тебе за это

черная-черная рука уже нашла твой подъезд мальчик-с-пальчик и жалок наш балаганчик
белки в Лубянском проезде вот он висит этот щит к филенке прибит тело белое пеной спит
в яме спасибо дорогу найдем мы как-нибудь сами
следовать за приятными женскими теплыми голосами
за угол повернуть проползти хоть еще чуть-чуть
что у тебя в груди кислое яблоко с прошлой перемены а в подвале пристав за предательства и
измены
родине-матери с пряничным домиком из кнута (эта символика города смерти не так чтоб очень
проста, но и не слишком сложна)
оскверненных святынь здесь в меру экстренный телефон на прямую линию мэру там где раньше
«массаж и любые виды досуга»
как же это легко — никогда не любить друг друга
не оставить уколом прививкой «укус комариный» вакцину от горького глаза
как это легко — ничего никому не оставить по смерти, ни разу
дрожащей рукой не чертить на крови ни сердечки, ни стрелы,
пока твое сердце не лопнет в груди от межреберных мышц неумело

рвет занавески метель, в ощущениях дана снаружи, в уютной печурке тлеют мертвые души
том второй — вот Аксинья когда-то была живой, мечтала выйти за управдома, к погибели вечной
сердцем влекома,
автору «Горя от ума» убирала московские дома — примерно было по двадцать комнат, но она

уже ничего не помнит,
кто там что делал с женою друга — главное чтоб на улице сухо.
Мойка выходит из берегов, рыбарь проматывает улов на скучных женщин и злых золовок.
город ветрен, почерк неловок. на атласных подушках «георгий» с крестом, черемухи цвет, отпели
постом.
третий аркан выпал опять, будущих лет не положено знать,
так и тянет Аксинья горлом луженым горькую песнь, что положена женам,
из-под земли, управдом в расстрельном, на подмалевку холста им Стрельну
не отдают, говорят — сгодится. карандашом замирает птица.

Амалия едет в своем шарабане в Рязань молча пьет валерьяну
ей грустные песни извозчик поёт рифмы путает спьяну
на юге черешня цветет а в столице подледного лова
пустой красноперкой на пресненский лёд перебраться готова
и кровью соленой дышать и внимать повеленьям пророка
плохая жена безответная мать и крючок в сиплом горле жестоко
как маятник снова качнувшийся вспять по разорванной вене
берлинской лазурью под веком смешать бывшей нежности тени
и грустные песни извозчик поёт где пучина могила
какой там по счету уже поворот что когда-то кого-то любила
теперь и не верится даже рука утопает в коричневой сарже
последней заставы печаль далека сердца линия глаже

если не умерла то могла бы жать посильнее
верхняя ля всегда западает на песне о Лорелее
этот язык не совсем для любви но только щадит умлаут
первые розы цветы что в морозном стекле не вянут
третий куплет никого здесь нет кроме нас морфемы жующих
от плоти живой вкушая запрет и мертвых материй пуще
цепляясь не знаю что стало со мной и думать об этом ересь
повешенный верит вниз головой что смыслы еще не делись
если не умерла то могла дочитывать Гейне
под слоем трещин оргстекла подключичных артерий к ней но
никто не помнит как гребень жег ладонь и зубьями в скалы
любой переводчик не то чтобы плох но отмели слишком мало
а если точно не умерла просто фиолет на скулах старшая группа уснула
никто не бросает подушки в бездну как будто что там неизвестно
не пробует глубину над лодыжкой не рисует холмики с книжкой
которая пеной не изойдет ничего не исполнится в свой черед
а теперь послушаем «Времена года» и вот

на Рим падает снег тополинный пух и разная мошкара
Сивилла обещает повальный мор и переключить с утра
ее нельзя один федеральный канал на этой планете
никого не приручай и не будешь в ответе
мертвая Сивилла никого не любила всем свое белое тело зашитое наспех и неумело
являла здесь но и в Третьем Риме об овощах говорила с ними
из крана течет томатный сок варвары трут красноармейца с собакой
быть иконой это прежде тяжелый труд теперь не верят однако
он обещает идею вечной любви через двести лет все наши родятся снова
собака тычется верной мордой и добрая пасть в крови простить вот теперь готова
идолы пьют на ВДНХ трехлитровый сок из своей березовой банки
под сердцем шевелится морок труха неочищенных жертв останки
вон того наверное точно есть не надо было но всё же
былых оркестров мятая жесь ложится углем по коже
телом летящим из *angry birds* плюшевым телом без воли
у вас есть еще два бонусных выстрела и приз браслетик или вітрячок
телом летящим из ниоткуда сюда вечно пребудет падающая плюшевая свинья
идолы молодости веры белого туфа бывшее «я» на белые камни падает глухо
парки ткнут мировую революцию потом отрежут по росту
верно всё раскроить по нашим лекалам непросто
из крана течет мерло девятьсот девятого года
тогда было совсем не то что сейчас сейчас другая погода

годен ли ты к нестройной в мирное время со своей страной
играть в поддавки в незрячие прятки разгадывать про два резервуара загадки
про яблоки которых у кого-то три штуки а другим они никак не даются в руки
науке неизвестен ответ но академик Остроградский был прав
все законы истории модулем в вектор собрав
вот они пьют твою кровушку в зеленой муравушке
у всех был один детский сад почти у всех пирожки и бабушки
мульты про доброе привидение и каникулы в Простоквашино
кто же теперь помолчит пять минут над костями не нашими
на Рим падают воздушные змеи костюм химзащиты юные феи
шьют по последней парижской моде пророк говорил все умрете вроде
и только несколько самых твердых родятся снова в пустых ретортах
в весенний смог и пройдут сквозь море но даже их не отпустят вскоре
так что грузитесь на пароход нет на Черемушки не идет
пресвятая дева и matka боска как было хорошо когда на земле было плоско
антинаучные знания про трех китов из торгсина
в образцовый интернат сдала последнего сына
там его накормили перловкою из стекла
в рот не попадала по усам не текла
манка небесная продукт самой высокой пользы
молись за нас теперь и ничего не бойся
на Рим падает снег потом еще снег потом саранча и сорок лопат

это знамо чьи происки сначала шепчутся потом на всю говорят
идолы молча слушают песню о пароходе
я стою на берегу и ничего не происходит

вся классика литературы дети поколения Doom вода с привкусом хлора
теплой иглой мерзлой землей прорастет из темени скоро
как ты терпишь резкую боль резкий свет в зрачке кто бы сузил
и ничего прекраснее нет только осадок от смузи

вся классика литературы учит что смерть придет и глаза влажны давление перепады
мягкая колыбель мать-и-мачеха страны стаканчик сдачи не надо
никто тебя до первой не заберет из-под памятника неназванному поэту
на станции Льва Толстого не тает лёд помяная его за это

вся классика литературы любовь скучна дачной прозы лимонного лимонада
но вот позвали тебя из открытого окна и больше причин не надо
и только здесь шестой этаж всё будет середина на половину
а эти платья потом и на вес не продашь не закрывают спину

Эффи ну что ты лежишь в этой колыбели словно родители тебя не хотели
отпускать в детский сад растить розой для Темзы
мраморной крошкой на лоб подвенечным пеплом принцессы
лишены выбора как бедные крестьянки как все мы Эффи течение в той стороне
там где мелко тебе хватит сил подняться идти мы способны вполне
отвечать за свое молчание столь же прикушенной губой пеной из уст
когда ты наконец научишься плавать станет понятно любой спор о методах пуст
мята душица ромашка и снова мята гербарий эльфов гербовник
Эффи когда ты перестанешь о жизни мечтать запомнишь где в этом доме половник
нет никакой жизни за пределами Уэльса и Корнуолла
нет никакой жизни нигде из избы не вынесенного сора
нет легкие твои чисты как небо залива речь насыщена метафорами интонационно верна
кожа белей молока волосы гуще расчесанного руна
если подумать о тени тень всегда лучше чем свет
Эффи прячет на полку альбом хороших открыток нет

вода щекочет щиколотки пробует тепла ли место свое не знали воздух несущий плоть
кожу которую можно веретеном исколоть потом подол расправить любовь отрицает память
дважды в одной реке не поднять придонный ил и любил ее и сказал ступай учись летать консер-
вировать овощи родного края
мало соли еще кладешь моя дорогая
серебрянка девушка из ребра ко всем должна быть добра не копить в этом мире никакого добра
не отвечать на звонки с неизвестных номеров вышивать бисером рисовать пастелью
свидетельствовать об аде словно его нет
это обычное суесловие веточка-пустоцвет
всё это доведение до ума сума тюрьма терема
детская травма развития вечный песок в руках синодальный календарь
и прежде себя было не очень-то жаль а теперь что уж плакать по волосам
несет тебя неволею по лесам говорит научись плавать научись вязать узелки есть узы которые
тоже крепки
как семантическая структура говорит езжай на Петровку купи ароматические свечи
дорогого гостя а то и принять нечем
крестильной купелью холодом последнего дня не обнимай меня
прошу не отнимай меня не вычитай из этого ряда ни любви ни смерти не надо ни правок
какой бы корректор ни ставил свой знак замены строчной на запятую
вода щекочет щиколотки только сначала дрожь а потом что-то настоящее поймешь
о чем лучше и не знать и не спрашивать вода темна держит за руку

наша земля полна пыли черепков незакрашенных деталей здесь никто не умрет
читать по слогам «Кошкин дом» выговаривать «к» с трудом
мир труд май красный флажок новые босоножки
камушек в солнце летит закрой глаза понарошку
железный занавес на окне горло в тепле сериал про доброго колли
только прививка жить говорят не намочить кололи
грецкий орех щипцами для тонкого лба и крепкой печали
свежую кровь для конечной юности назначали
красный флажок бант на затылке «перекис водню» ножи и вилки
проходи мимо не ищи место где есть тишина море по локоток
белой акации пепельный отиск и полезный белок
раз два три выбирай теперь что-то другое
пока закон тяготения не оставит память в покое
камушек в солнце летит скачи за ним на одной ноге и никого там не оказалось
вот оно плавится капает растопленным молоком на новый сарафан
а вот обертка обещала совсем другое
беги туда разбивай коленки мертвые жуки в коробочках
наша земля полна всем и даже тепло

не пей воду говорит козленочком станешь из этой воды прорастают сквозь веко цветы
на песке русалочий след кораблик тонет на Сене тонет-потонет камнем ляжет на дно
кто рисовал эту плоскую реку теперь нам уже всё равно
смотрел на свежем воздухе на цвета сквозь пенсне
сравнивал с тем что будет то что было во сне
не пей воду говорит жизнь это прочий стыд
разветвленная сеть станций мертвая Констанция первая незабудка
к земле прикладывать лоб под искусственным дерном чутко
не спи придет волчок унесет в дальний лес и сдаст копейка на вес
копейка катится падает в воду мы сюда не вернемся так и останемся между небом и деревом
это безопасное положение здесь уже всё проверено
вниз головой колокольчик звенит и звенит в снежной степи
всё образуется как-то еще одну жизнь потерпи
это не трубка это не Магритт не оккупированный Мадрид
ни холодно ни тепло ни пустынно ни людно
в посудной лавке на сорок персон сервисы
мир заключенный в рамку и видимый только снизу
не пей воду из этого фарфора всё расклеится скоро не склеить не затушевать
всё потеряется в Сене знать
рыбий глаз из пустого крана пустой зрачок в разрезе экрана
рано нас еще отпустили гулять здесь одних вокруг здания попарно
женщины с пустыми ведрами с осанками гордыми

носят супы-помои старыми простынями моют покои
общаются между собой односложными фразами
что-то такое лишнее завелось в пустующем разуме
точит-подтачивает изнутри словно графит свинцового карандаша
ходят вокруг здания попарно
тише говорит нынче тихий час и всё закрывается
если бы знал что так бывает но ведь не знал

они теперь проступят сами
вишневый сад и милый дом
на мраморе в семейной драме
на Пушкинской и на Страстном
сними меня на фоне пятен
слепых небес оркестра ям
где остается текст понятен
и первый шрам от сердца прям
вот указатель «выход где-то»
под версткой пепла ножевой
под слоем ветоши из пледа
и под весеннею травой
они теперь проступят сами
вишневый сад игольный двор
где календарь слепит годами
и листья тлеют до сих пор
сними меня на фоне ада
одним щелчком простым числом
здесь повторять так долго надо
про две прямые и потом
про «славен наш Господь в Сионе»
и про сукровицу в уток

и всё поёт Giovanni донне
что мир по юности жесток

серовский лёд подольский черный мел
зеленка смог но только не успел
разбитым ободком сукровицей бровей
открыткою restante где разведенный клей
серовский сад картофель фри и walker
тебя хранить на самой поздней полке
тебя хранить подземки медный крот
обратной перспективой линий лжет
земля под паром сурика теперь
как на холсте разорванная дверь
как тело обреченное на тело
и контур нанесенный неумело

вдруг поняла что забыла всех адресатов Кафки
начала постепенно вспоминать Милена Луцилий нет это не отсюда
так они все лежат в одном столе по ним не наводят справки
по чающим воскресения в первой строфе теперь не бывает чуда

так ли закончатся все слова от которых плоть казалась живою
кровь на стекле разбитого для любой красоты сосуда
так ли закончатся слова и всегда говорить с тобою
бежевой бязью штукатурки письмами ниоткуда
памятью выжатой хлопок лен и штампом стертым едва ли
списком зачитанных имен пустой телефонной книги
сколько легло в нее и сколько бы вместе ни забывали
сильные рифмы искать например говорит вериги

дома у нас печальны тот же пир он говорит на каждой остановке
перчатки дев прекрасных и неловки движения руки сачок зажав
здесь лёд и медь унылый школьный сплав
он получил в прощенный вторник имя чтобы за стол не сесть теперь с другими
и так она тепла еще покуда что смерть не отменяет веру в чудо
в дыханье роз и ветренность червей
забытый автор говорящий с ней на языке реляций и подколок
последний лёд уже совсем не тонок
и проступает бледная щека так словно речь теперь издалека
заводят лишь бы говорить о речи
всё тот же пир и оплывают свечи на скатерть с перезрелой бахромой
дома печальны и теперь домой вернется разве кто о всех безгрешных
не помолясь в пустой трамвай конечно

бумаги синей для абажура купить еще говорила Шура
что всех убьют потому бумага спасает верно да из продмага
вестей сегодня уже не будет стучат на лестнице в двери люди
но все теплы разве только степень их отличает поля да степи
почти не снятся летай во сне и ордер выпишут по весне
на новый дом где растёт черешня хоть детство всё не вернуть конечно
а хоть кусочек раскраску Китти наверно знать что вы просто спите

один снаряд попадает дважды в пустую кость абажур бумажный
спасает разве слеза и вера и несколько буковок для примера
напишешь пропись полна помарок и темен сад и асфальт так жарок
и нужно жить непременно столько пока на солнце кипит карболка
пока луна закрывает окна пока на несколько слов способна
для всех унесенных взрывной волною пока еще говорит с тобою
из радиоточки весенний морок и кровь подступает к отметке сорок

я бы раздосадовался, если бы не любил всякую дань вроде тебя,
чтобы слово царапало, отзывалось в каждом народе,
домашнего прозвища вроде, сколько у тебя в кармане денег,
и куда потом ты ни день их,
Ходасевич безмерно нежен в письмах к жене и к пяти
миллионам погибших за лето на этой войне.
когда мы хотим приласкать или оскорбить человека, красной
вышивки гладь, рубленой щепы под веко,
а то изведусь и приеду, но ветрен Лубянский проезд,
и в гардеробе крадут номерки мимо ярмарки мертвых невест.
успокой меня в каждом письме, что белой костной мукою
земля сыта, и лишь хвалой из каждого рта,
когда правая присно «я» проштемпелеванным ластиком стерта,
Ходасевич очень нежен в письмах к жене, как ранее сказано было,
он купил ей сиреневый пластилин и разверста внутри могила,
только по госту коробок жостовского картона, Анна Ивановна
Чулкова правил хорошего тона столько хотела привить черенкам
жестяной лопатой, мягко лопатка ломает ребро под землю
невиноватой —
расстроил, совсем расстроил, у аналоя их было трое, постановщик
торжественных действий, декоратор милости к падшим,
и что-то еще, но всем всё равно, что в письмах бывает дальше.

до блокады уже ничего но погоды теперь золотые
старорежимной оберткой глядят в теплый ад святыне
плотью обглоданной костью шуршат разливают кагор на граните
и сторожа закрывают свой сад говорят: «что ж вы, граждане. спите»
в Летнем саду посадить огород поставить Афины с плодом
но теплое время сорвется вот-вот улетит за памятью следом
башню сравнивают с землей шпиль воткнется иглой в ладони
здесь брюква растет развивается конный спорт
так звездочки срезать на всякий случай тоскою своею меня не мучай
любовною драмой из старых времен когда каждый третий почти опален
но всё забывается прежде рассудка хлеб лежит в ларце
ларец на дереве дерево в стекле
никто не берет тебя замуж пространные письма не шлет
в театре на площади тот же шарманщик герой-идиот
спасает ненужные свету слова не пришедших и камушки ест
и мелом на лбу как болгарский малиновый крест
ей всё сообщает куда уходить вереницей под лёд
и разные песни про молодость мира поёт

средневековые мастера хотят показать все эти до и после
Иосиф Флавий собирает всех обилеченных кости
засыпанных пеплом залитых пеной не успевших к последнему пароходу
некому верить молиться шить благодарить природу
пепел забился под ногти под белую кожу святой Агаты
медные резчики скорби по дереву тоже не виноваты
что от пропорции вылитой в воск разрезанной омофором
Лучия выплечет все глаза о твоём из пучины скором
неверии дайте-ка свой билет голова по каемке яблок
спасения в полной корзине нет и в ванне утоп кораблик
где тело снится где Иоанн не верит что Саломея
рисованной кровью из теплых ран растопит себя жалея
разборчивый почерк разлитый воск глаза верный шрам под грудью
и первый пейзаж после смерти Босх всё нужное не забудь я
как теплится краска как из газет наклеенных под обои
ты тоже узнаешь что смерти нет а только ошибки в крае

в общем-то всё тлен говорит древние греки «Лягушки» Аристофана
когда у граждан нашей провинции был еще стыд и эту плотину рано
было еще открывать захаживать в гости с вечерни за мармеладом
закрашивать красным каждую пядь не попали в кого-то рядом
самая чистая кровь и с пенками молоко письма грамоте обреченных
жалко девчонку уехала недалеко скелетцем господ ученых
темные воды простывших труб затылок сверлит с исподу
каждый кто тянет руки к тебе привычно груб мрамор станции в непогоду
как-то теперь особенно строг от реклам и надежд свободен
авгур сказал твой домашний бог переходов и подворотен
отвернулся молча к стене продавец поставил клеймо на руку
только греки знали где в пьесе конец чтобы хор не обречь на муку
а в общем-то если выжить им суждено сверх расходного материала
говорит да эти Βάτραχοι все равно от нас отличались мало
так же бьется сердце в левой руке разбит фонарь у аптеки
и папье-маше шуршит вдалеке и свинцом заливает веки

лишнее су на фиакр не потратили
рябчика фройлен уже унесла
так и сказал: «Молодые писатели
вовсе не знают теперь ремесла»
крутится-вертится медью да оловом
крошкой черной с пустого стола
это приснилось один под Парголовом
кашляя желчью и вишня цвела
это приснилось крапивною нотою
всё о разлуке чужой стороне
тут я еще диалог проработаю
все промолчали сгодится вполне

мелочи жизни копейки и фильмы двадцатых
резкости жеста старлетов немного кино
юношей бледных приписанных в Зальцбург куда-то
и не успели хватиться теперь всё равно
где твои кости лежат и кольцо замыкая
скуку прощания и равнодушия грусть
пятнами соль без оттенка густого тока
винною ягодой в сердце история пусть

снова закончится и не начнется ни разу
юношей бледных виски чистотела могил
так и роняет записку в китайскую вазу
веруя ибо абсурдно что тоже любил

в окне твоём бетонные коробки, взгляды робки
прохожих в черном из китайских рынков сбыта.
хоть список дел прочла и до конца, всё будет позабыто.
пройдутся строем мимо склада стройматериалов
обратно и туда, где спички в снеге талом
размокшие найти хотелось бы, но тщетно.
не бросила курить еще за столько лет, но
знакомый дом опять манил каверною подъезда.
оратор римский говорил... уже не интересно.
в окне твоём бетонный блок с огнями — супермаркет.
несут пакеты с головой капустною, и капнет
на талый снег еще воды, разбавленной портвейном
остаток. новые бинты купить в галантерейном.

девочки-девочки за сколько нужно записываться на маникюр укладку
какую лучше помадку в торты класть
уже изобретена водородная бомба вирус Эбола вирус который проникнет на жесткий диск
какую помадку класть «старость» это от слова «страсть»
что делать если люди не любят людей люди не любят себя
люди любят сладкое и пустое
девочки-девочки укладка в песке и глине под маникюром фрагменты кожи
в зрачках невозможность сходства
уже изобретена система чтения мыслей самый лучший порошок чтобы вывести красители крема
самая лучшая жизнь чтоб ни разу не задуматься где мы
девочки-девочки земля холодная не нужно тут лежать вам ведь еще рожать
это укусы комариный просто ватку прижать

мои друзья пьют ночью на улице крадут бокалы в клубах прячут их в рюкзаки
я пишу обо всем стихи и об этом тоже бесконечная дрожь руки
эти поиски рифмы поиски ручки забытые адреса
эти шутки синоптиков густые и беззвездные небеса
что еще рассказать мне о жизни ты знаешь всё это сам
прислушиваться к незнакомым людям к неумолкающим голосам
к не умолкающим ни на минуту словно радиоточка после шести
если всё это слишком скучно за скуку меня прости

мои друзья пьют ночью на улице и разбредаются кто куда
я пишу стихи но получается только жалоба ерунда
и наверное лучше молчания нет ничего внутри
теперь найди монету и слой защитный сотри

что тебе Гретхен вчерашнего брата ушедшую юность куда-то
греть полотенце на тающий лоб улыбаться себе виновато
нет никого не спасти эти снасти крючки и убожества страсти уловки храни этот локон в кармане
пока не выпадет следующий снег пока нас нет здесь
вечная юность и что тебе Гретхен велела держаться лезвия строя
новый мир прекрасный уже не строя откусывая по кусочку от сладкой мякоти не плакать учили
строгости нравов уметь различать где лево где право
где тебе Гретхен вечная слава красной звездочки на ранки письма из дома кто все эти люди я с
ними уже не знакома
это они велели меня сюда заточить словно карандаш нелепый кормить стеклянным хлебом
смазывать молоком лоб и веки это они велели меня читать зачеркивать ненужное говорить нет
слишком много длиннот кому такое достанется что это здесь живет
за теплой печкой за Черной речкой что это здесь за прелесть от слова «прежде» никто не держал
свечей
не читал акафист не пророчествовал над ней что будет день другой все эти открытки обходить
стороной
все эти милые камушки «лучшей сестре, дочери» а хранили здесь только счастье пророчили
кружки кормушки теплые стружки последний снег
что тебе Гретхен но нет она пишет вернись это дело привычки притерпеться можно и к петле
к уютной петельке на спице она тебе по уму по горлу по всему она тебе только нужна
больше никто тебя так не полюбит не обнимет не пожалеет
так ли не я тебе была верна речью ровного веретена ошибочным делением на два мы себе не

принадлежим так где уж тебе но ладно
хранила твою повесть о настоящем злосчастии в столе молилась до причастия о тебе авторе и
персонаже безмолвной молитвы глаже
когда под окном построили церковь циркуль вошел ребром недостающим туда где тебе осталось

расскажи где находится аварийный выход седьмая печать сигнализация которую непременно отключат
за вычетом выживших титрами молитв тенью провожатых
расскажи куда движется текст должен он отвести куда-то
но нет никакого тепла ни от живых ни от мертвых никакой искренности молчания
жесткая скамейка на которой они тут лежат в ряд
за окном строители забивают весенние сваи привычно по металлу стучат лениво перекрикиваясь
но нет здесь выхода никуда стынет металл закипает вода
нет здесь выхода никуда только если остаться на месте написать в школьный чат что мы по-
прежнему вместе
что бы ни случилось хоть время остановилось расплавилось за финальный титр закатилось
закадровой песней прости меня прости но нет слов для этой памяти
и снова олово при такой температуре вы плавите олово и пластик
все тугоплавкие части этого мира скорее пройти мимо
несущие конструкции несуществующих вещей
расскажи где находится выход здесь он сказали где-то рядом где темно и светится слово «Выход»
здесь он сказали но в то же время весенние сваи хрупкие конструкции живая вода мертвая вода
мертвая вода слова ведущие не туда живая вода никто не включает свет
титры заканчиваются снова идут сначала

стресс избывает депрессию говорит диктор последних новостей Ольга не понимает что происходит с ней
теплый осколок мины вырыл в груди борозду мне бы корочку хлеба размочить в луже
но диетолог сказал от этого только хуже
записалась ли ты в добровольцы смотрела ли что за пути от околицы мы учимся водить автомобиль
учимся плутать по этим закоулкам страны странные без прописки
сказать что здесь родилась ела ту же безвкусную грязь
вытирала ее по щекам спрашивала у женщин в какую сторону храм
ни у кого не бывает депрессии во время войны не стойте с той стороны
сердце убывает прежде раскаяния рассеяния но воздух тут свеж
Ольга думает что ей идет по-прежнему беж пишет стихи о доме лежит заутреню в коме
ей сулят новую черно-бурую страну в которой тепло и это забвение помогло
и греется и можно надеяться что снаряд не столь бывает точен как в сводках о том говорят
но когда же я куплю себе новое платье ничто не шелохнется внутри нет здесь жмет в плечах пока
не смотри
но когда же я куплю себе новое платье буду везти санки эти по полу купите говорит мёд
внутри корки сахара так долго живет никуда не идет
но когда же я расцвету говорит превращусь в цветок медуницу
когда же я смогу влюбиться оказаться за линией фронта не буду просить о ком-то как о себе
ходить по тонкому льду
смотреть что под ним как о живых мы здесь больше не говорим

это говорит твое Черное море панцирная сетка три рубля телевизор «КВН» пустая земля
ни одной прогалины копейки затертой помнить как есть
это говорит солнце море воздух вода обратная сторона воздуха дно воды
прежде здесь был дворец теперь научишься плавать следовать указаниям палевых плакатов
думать что жизнь уходит куда-то но прежде горло щекочет гвоздем из утлой постройки и некуда
спрятать глаза
но прежде любовь прекрасна по телевизору помехи
говорит синоптики обещали все эти магнитные бури теплые степи топленое молоко снегов
придет смирение а ты ни к чему подобному не готов
копаться в закоулках вырезках фотографий схемах душных городов морской волны
туристы спускаются к морю держаться за руки думают что пьяны и несчастны
часто говорит это твое молчание настораживает что у человека на уме
если он живет здесь каждое утро ходит в гастроном за яблочным соком ест сырники
что у него на уме в это время соленая вода пристани мутный осадок крови
много неучтенных вещей в памяти оседает
об этом говорит здесь никто не думает а нужно бы со службы возвращаясь свечу держать ровно
прятать три рубля в платочке ровно дышать

properties

О. С.

осенние праздники заканчиваются медь превращается в тыкву
незнакомые люди собираются по трое в темных парках твоей страны неразбавленная свобода
история из которой нет выхода ожиданье густого снега
провода впирается в пальцы речь отменяет смыслы
так ли я привязана к этой разметке для пешеходов и самокатов
к этим пустующим окнам воздвиженной плоти легио
к этой нехитрой арифметике магии чисел создай себя сам как можешь
к доказательствам вроде что было то будет и нет ничего под солнцем
к теплой воде превращенной в сухое красное в горло травы и глины
первой любви от которой ни косточки ни осины
в памяти нет памяти нет это дрожь пальцев
осенние праздники твоей страны запятые осколки рыба
так ли следует говорить о чем-то что происходит и длится
находить разбитый каштан под листвой думать что прежде
и отныне пребудет она цитатой из Экклезиаста
белым стихом бородинским на свернутой втрое «Правде»

на твой др фейсбук советует пожелать тебе всего наилучшего
я никогда не умела поздравлять людей с днем рождения
самого лучшего самого ненужного пустыня ширится сама собой говорили
но сейчас только тепло и простор и высокая пенка
наверное я могла сделать вид что ничего нет существование не обязывает к словам
не развязывает язык не скрадывает коммуникативные навыки ничего
простые вещи это сложные вещи это снова простые на твой др
фейсбук советует перебирать камушки под небом каменную корку бородинского крошить голуби
верят что да клюют асфальт вместо друг друга

давай играть в доктора Джекила и мистера Хайда не смотреть друг другу в глаза обсуждать школу
перипатетиков и Чайковского
незнакомые люди любят искусство делают вид что рады друг другу
незнакомые люди просят денег на хостел спрашивают а что там у вас происходит
неужели выставка современного искусства да нет искусство мертво
давай играть словно мы разговариваем ты протягиваешь им деньги
обязательно больше чем я искусство мертво но прекрасно по-прежнему
детское искусство притворства бесхитростная брусчатка Андреевского
давай делать вид что мы всегда будем на этой террасе сверху вниз смотреть на людей снизу вверх
на звезды

не вспоминать про нравственный императив про неразборчивые муки любви
рассказывай что-нибудь чтобы всегда слышать твой голос
они возвращаются бьют посуду по нерасторопности рисуют картины смешивая краски вопреки
всем законам колористики
пьют белое сухое вино красное сухое вино апельсиновый сок воду
кровь похожа на воду а не красное сухое вино как мы думали раньше
как смириться со знанием с холстами которые молчат
давай играть словно мы есть придумывать слова которые могли бы звучать не слишком нелепо
в данной ситуации
придумывать самые правильные слова в правильной последовательности никого не любить
думать что свобода это отсутствие логики отступление от общего плана
за руки не держась спускаться по спуску вниз

мы ведь любим совсем не тех кому нужна наша любовь и кому не нужна тоже не любим
удалить из друзей не отвечать на сообщения делать вид что не смотришь фотографии в альбомах
пересечь столько границ чтобы узнать что тот кому не нужна твоя любовь живет в соседнем районе
просто узнать что на самом деле просто некуда больше ехать
мы ведь любим совсем не тех кого могли бы любить хранить этот нож для сердца во внутреннем
кармане
верить что жизнь прекрасна и так и не так уж просторны
наши города наши улицы закрытые чаты для персонажей

с которыми никогда не столкнешься в соседнем Watson's
и кому не нужна тоже рассказывай что всё проходит и это пройдет
скупны пейзажи панельных домов плохая видимость на дорогах
винный напиток из порошка с питьевой водой история из которой нет выхода
разговоры о Данте и всё остальное литература
мы ведь любим совсем не тех и не других прикладываем горячий лёд
ко лбу трем виски нашатырем рассказываем о несодеянном спамим рассылкой
история не знает сослагательного наклонения история любви ничего не знает рыть землю ради
растений
шить двенадцать рубашек которые сядут при неправильной стирке скажи мне что-нибудь можешь
даже молчать

так ли душа моя в пространстве бездомного циферблата
в небе не знающем дна в облаке сохранить мы здесь были с тобой когда-то
пили шампанское из унесенных бокалов ты говорил человек это машина
я говорила нет не верила что когда-нибудь так остыну
что равнодушие будет казаться жаждой шампанское льется в землю как молоко в пакете
яблоко вместо сна забывайте плохое будьте как дети
разучитесь читать не смотрите на женщин пыльного кватроченто
жилки чистого лба прорисованы так зачем-то
твой билет просрочен в кармане измят рядом с мятной конфетой

липкая память льется на стол словно клюква крови отведай
нашей беспечной любви безнадежной пустой бездумной
снова в двенадцать возле метро наклоняясь над урной

ты снишься мне как снятся мертвые словно они живые
сидишь за столом в пять утра предлагаешь поехать в Ревель
предлагаешь накормить жареным мясом с овощами я говорю что не ем мясо
давно ничего не ем это просто неинтересно
потом ты куда-то исчезаешь логика сна неисповедима
а как же Ревель у нас ведь билеты на автобус осталось два часа надо немного поспать
чтобы проснуться там где никого нет на самом деле расскажи мне сказку
надо немного поспать и проснуться не здесь
ты снишься мне как будто всё что закончилось длится вечно
за окном автобуса мелькают дома птицы садятся на воду
любимый диск водителя «Хиты 80-х»
всё бесконечное есть я засыпаю
словно на границе пересечения сна и яви нас ждет межевой столб мы удаляемся от центра
говорим о необязательных вещах в необязательном порядке
пьем холодный чай вдыхаем дым небо без фильтра
темнеет и на землю капает лёд

я спрашиваю почему кошка меня укусила ты отвечаешь дернула ее за хвост
перекинь испаряется диалоги заканчиваются даже в кино
новой волны никогда не начавшись
жизнь существует потому что фальшивые цветы овощи растения
незамысловатый глаз пропускает сквозь сетчатку тебя простирается дальше
всех соседних домов остановки конечной
невозможность выбрать верный ракурс вернуть на место
когда здесь кто-то дернул стоп-кран или нажал на спусковой крючок
простые вещи теперь похожи на сложные нелюбовь на копирку
черные следы на пальцах много ненужных слов список литературы
сложные вещи не похожи ни на что и в общем не греют сердце
кошкин дом в дыму дневной свет не падает никуда
кошкин дом сдается в ломбард по истечении срока
зачем она зачем она прочерк

думать о том что больше никого не сможешь любить никогда
но в общем-то и что себя здесь наверно тоже
представить лучше чем жизнь в которой картонный снег люди с текстом про зиму
не пропускай ни одной истории которая происходит обдумывая каждую букву
заводь речная речь изреченный обруч

рассказывай мне рассказывай что-нибудь бесполезное детское миль расходных
малости на которую кожа могла решиться
каждый день рушится обнимает раскладывает по клеткам
просторно необидно светло дети мои говорит расправляйте крылья
ешьте червей и разных чешуекрылых
пойте только о том что никуда негодно
так и целый год пройдет и метель и камушки в хлебе
утешения вялотекущей страсти
марганец сердец на пустом снегу

знаешь я теперь не могу слушать «Ундервуд» потому что мы слушали его вместе
покупать все эти никому не нужные брелки чехлы для айфонов
с новогодней символикой перья цветов чистоты вылазят сквозь ткань подушки
разлетаются по земле неродным безнадежным снегом
ты забываешь свой пин-код несколько раз дуешь на пальцы холод
оправдывает любую оплошность припухлость век пустую тележку в кассе
что вы делали когда всем надоело есть мандарины загадывать желания
одни и те же из года в год когда-нибудь они точно сбудутся
от многократного повторения привыкаешь даже к любви когда-нибудь они сбудутся
все эти пометки закладки никогда не открываемые ты на каждой странице
я обязательно вернусь потом чтобы узнать мнение автора этого лонгрида по случайному поводу

но никто никогда не возвращается подарить тебе брелок с изображением схематической птицы
пожелать исполнения всего что уже не нужно
эти песни не виноваты в нелюбви в капитальном асфальте улиц
в новогодних огнях коротких замыканиях длинных промежутках
между прибытием средств транспорта тело не хочет смысла
легче исчезнуть игристым вином разбиться
в темном переходе где гаснет свет

мы сидим на лавочке пьем шампанское и обсуждаем Шопенгауэра
его нелюбовь к женщинам и зависть к гусарам
я спрашиваю почему он завидовал гусарам он ведь был такой умный
ты говоришь потому что у них было происхождение
подходит нищенка и просит денег ты предлагаешь ей шампанское
она отказывается говорит что не пьет
я могу предположить почему Шопенгауэр не любил женщин
кроме того что по его словам у женщин кривые ноги
еще они много все-таки говорят не то что хочется слышать
или молчат в неподходящий момент
любовь глупее философии здесь нет разночтений
любовь глупее шампанского нищенок и прохожих
вот теперь определения закончились можно молчать в неподходящий момент

мы сидим на лавочке обсуждаем отсутствующих знакомых погоду в Харькове
понятную нелюбовь и возможные параллели

я говорила: «ты не обязан меня любить»
но на самом деле конечно подразумевала противоположное
ты говорил: «почитай Маркса, почитай историю Французской революции»
я говорила: «хотелось бы умереть как-нибудь героически необычно»
ты говорил: «мы не умрем, так не волнуйся»
тогда как раз вышел сериал «Таинственная страсть» было темно и мрачно
я бежала вприпрыжку смотря на звезды думала вспомнишь ли ты сейчас про Чулпан Хаматову
но как оказалось ты этот сериал не смотрел
тогда как раз запретили алкоголь после одиннадцати
нам продали в киоске какую-то зеленую жидкость
с этикеткой «Ликер» с наклейкой «Made in Ukraine»
ты боялся что я пойду на балкон хотя это просто воздух
говорил «мы не умрем» и держал за руку

но мой уехал значит твой приедет раньше
как будто смерть но всё равно все живы
и слушают с тех пор аэросмит

и покупают два жетона в руки
как будто смерть но рассказать кому об этом
мы обсуждаем живопись и голод
бездумный голод прорасти тебе под кожу
бездумный потому опровержимый
как будто смерть но рекламируют колготки
и в Малой опере какие-то билеты
и дрель и весь полезный опыт жизни
всё то благодаря чему казаться
мы продолжаем жать друг другу руки
желать счастливых снов здоровья медных
копеек положить на веки в прочерк
две в руки сквозь и осторожно двери

кто теперь тебе предлагает латте в шесть утра когда на улице еще темно
этот дешевый напиток переполненных городов спальных районов
пока люди пытаются забыть сегодняшний сон
размешивает деревянной палочкой «напій кавовий розчинний з ароматом карамелі»
кто теперь делая вид что время уйдет пенкой для придания безутешного вкуса талончиком без цифр
кто теперь понимает тебя хоть и сам ты не мог бы лучше
верить в молчание пустые улицы холодный дождь декабря это сердце

изобретает оправдания беспомощности ума неустойчивости танкетки
есть кофейная гуща чужой страны рассортированная на улице Шевченко в Золотоноше
есть подарочный набор стикеров есть фломастеры со вкусом лимона
кто теперь тебя укоряет говорит как не нужно
осколочную луну закрывая куском салфетки

делать вид что спишь смотреть на твою кожу
это монета два пенни с изображением королевы
дали на сдачу вот видишь возьми на память
наверное память лучше нас сквозь этот английский профиль
продеть веревочку и носить на шее тебя не помнить
нам не нужно строить дом сажать парк дружбы
фотографировать пионы разных людей и скуку
существования обсуждать что приготовить на ужин
нам не нужно получать сдачу в одной кассе
надеяться что монета однажды упадет нужной стороной
делить одно прошлое на двоих как черствый бублик
возьми на память храни вечно
потеряй через несколько дней где-то
вся жизнь бесплатна как на ладони
вспомнить нужную сторону вот

вот я именно тот человек который не читал Сэлинджера то есть читал рассказы про рыбку-бананку
и плотников в хрестоматии для какого-то класса
и даже роман Бегбедера читал про него и Уну
а «Над пропастью» нет и теперь как-то странно читать если всё пережил на три жизни вперед
и мы были совсем не те кого мы тут будем обманывать делать вид что нас интересует
куда деваются утки в Центральном парке
может быть они все утонули даже наверняка
вот я именно тот человек который не различает жизнь и литературу
настоящую жизнь и настоящую литературу думает что это одно и то же
одна и та же жизнь разбитая на несколько текстов равной длины
одна и та же литература закольцованная на этом сюжете
мы смотрим в одно и то же озеро Центрального парка
и даже не верим что раньше здесь были утки

неужели всё это исчезнет — форточка дым задвижка
реклама на радио «Ностальжи» тост за осознанность действий
плоды лимонного дерева магниты из городов для которых
не имеет значения существование нас и просить кого-то
запомнить как всё было сослагательное наклонение складывать в память
одни и те же истории неужели ты тоже

помнишь что кто-то курит а кто-то вдыхает дым и в ноябрьский ветер
прячет лицо теряясь до остановки

наверное ты это просто повод себя не любить а за что и верно любить себя любовь это дело
привычки
за столько лет привыкаешь к себе расстаться уже никак зачем здесь чужие
ад существует он полон нами глядящимися в твои зеркала
а я не смогу отразиться здесь ручей говорит Нарциссу
я полон ряски и металлолома разных бесполезных приемников УКВ которые теперь артефакты
от твоего отсутствия в моей жизни честно сказать ничего не изменилось
но я не буду говорить честно мы приемные дети постмодернизма
каждая фигура отсутствия подразумевает кого-то
так они смотрят друг в друга ручей и Нарцисс кто кого пересмотрит
кто кого перебудет слова которые мимо камушки водоема
или я утону в тебе или мы захлебнемся вместе
в этом темном месте текста не поддающемся толкованию
так я отражался в его глазах пока наше чахлое солнце не иссушило его до самого ила
а потом закрыл зеркало старым журналом с диссидентскими мемуарами и долго пил
но всё же не удалось

может быть хотите знать, что там случилось,
коротко и ясно — Маруся отравилась

и я могла бы решиться любой Марусе под стать
и свою бесполезную жизнь под эту песню сверстать
она лежит в холодной невской воде как модель Росетти
и петропавловской гальки бросают ей в веко дети
она умрет в осьмнадцатый год Русь слиняла в три дня и ладно
под инфлюэнцу ложится скот и любовь отдают бесплатно
и в аглицкой ванной своей пустой размеренной на квадраты
ну ты ведь не веришь в свободу стой куда ты идешь куда ты
и ты ведь не веришь но всех марусь обреченных тебе под кожу
я тоже оправдывать не берусь любовь свою и ничтоже
сумняшесь смерти теперь пустой бесхозной бездумной здесь ли
но кровь твоя льется над головой и рот забывает песни

представь нас вместе на этом селфи один раз можно вот так влюбиться вот так забыть что любовь
проходит не птичий грипп не венки из перьев
настоящая жизнь спрашивать почему у тебя такие холодные руки когда мы не встретимся

в следующий раз
настоящая жизнь ожидание вечной свободы что ты сделал для нее
любил ли ты ее достаточно сильно чтобы забыть всё остальное
так ли это важно на самом деле темные аллеи темного парка
словно тепло косички румяна правильно уложенная листва правильный свет
настоящая жизнь не здесь она всегда где-то там комнатная температура засохшие анемоны
некого запомнить на этой фотографии некого помнить
всё что попадает в объектив обретает жизнь вечную
мухи янтарь идеал красоты прошлого секреты грибников Афродита
коврик с оленями на плохой штукатурке морщинки на лбу мысль остаться здесь навсегда
гладить твои серые глаза верить что всё проходит только не мы
куда нам еще идти словно тени в чужих домах только не мы
это остаточные явления холод твоих рук болгарские румяна осень плавильный котел
Бог сохраняет всё смесь лаванды с нефтью
просто представь нас здесь на лавочке в центральном парке имени поэта чужой страны
память избирательна там был киоск с буритос человек в странной кофте
я спросила как называется эта кофта ответ не помню

когда-нибудь я напишу о тебе лонгрид
так и не научились нравиться людям
приходить в незнакомое место рассказывать забытые анекдоты

белоручки белоснежки портили зрение над книгами о невесомости
не могли заставить себя выйти на улицу и посмотреть на свет
всё имеет смысл но непонятно какой
я напишу о тебе лонгрид буду перечитывать его по утрам кому нужна лишняя информация
перенасыщение тешит тебя
собирает мысль по кускам размазывает маслом по тефлону
и ты никогда не узнаешь что я о тебе думаю и я никогда не узнаю
бледные дети Города Солнца помнить что там имбирь
когда память закончится словно пух на бульваре Шевченко растает
кофе на ветру простые слова которые не складываются ни во что
нужны ли они нам или можно обойтись молчанием
ненужные дети первой знаковой системы и последний троллейбус
никто не помнит как мы оказались здесь зачем ты решил рассказать про Гераклита
под ногами талая вода и немного скучно

ты говорил: «как ты можешь меня любить, ты меня совсем не знаешь»
я говорила: «ну так позволь мне тебя узнать» в «Докере» было темно в Пассаже фонари весенние
заморозки
люди идут в разные стороны кто-то пытается выполнить задание коуча продать тебе спичку
кто-то повторяет про себя «и тьма не объяла его» ровное дыхание дым в сторону центра
что мы можем узнать счастливые предсказания на чеках не должны повторяться

все эти «будь собой» копейки ровного счета
медная тишина дворов Малоподвальной
абонент неизвестен кнопка где свет

нет говорит никак не верну себе эту веру в людей под людьми здесь подразумевая мужчин но не так вот прямо
никак не верну себе эту способность говорить ерунду смеяться всем шуткам на свете
радоваться солнечным дням не читать прогнозы погоды
никогда не верну себе эту радость отправлять сообщения на которые не будет ответа
перед кем-то нужно высказаться боль существования сформулировать
как и прежде не было ее и теперь она не так уж честна
слишком много слов для боли слишком много самолюбования в нашей любви
так я научусь говорить хорошо и тебя забуду
нет говорит никак нельзя полагаться на текст
ложную память развешивать словно крахмальные простыни во дворе хорошо проглаженные
швы кипятков в эмали
кто их будет теперь воровать складывать в узел пересчитывать
кому они теперь нужны сама не помнишь ветер раскачивает веревки
нет говорит пусть им будет удобно в этом мире не страшно закрывать глаза на рассвете
не страшно открывать их не думать зачем
пусть у них будет настоящая любовь крокусы под окнами лебеди из покрышек рядом с крокусами

детские дома дремучие леса конструкторы быстрого питания всему нужно верить
пусть их минует любая печаль всякая ненужна мысль
разбитые коленки божья коровка узница «Гомельдрева»

СОДЕРЖАНИЕ

Fade.....	7
когда нам было пятнадцать.....	8
мои токсичные родственники	9
бедные дети девяностых.....	10
нам нужны социальные поглаживания.....	11
Siri тебя не любит.....	12
только циркониевые браслеты детства.....	13
вчера еще последняя дискотека.....	14
когда в квартире Манделштама проходил обыск.....	15
сегодня ты мне приснился.....	16
в такие моменты представляю свою дочку.....	17
после войны у девушек юбки короткие.....	18
кинохронику для человечества.....	19
всё действительно разумно.....	20

так приди на Васильевский остров.....	22
это всё непродуманность мира.....	24
никогда не закончится.....	25
замерзшие оранжады «Титаника».....	26
Киев-Львов.....	27
ты знаешь сколько у тебя осталось изображений.....	31
vin ordinaire.....	33
здесь вас научат рисовать комиксы.....	34
словно резчики по металлу.....	35
напиток винный впитал асфальт.....	36
так они плыли до первой бухты.....	37
знаешь ты страгила.....	38
где на стене укрытия и coffee box.....	39
письма последних рабочих завода.....	40
возле метро женщина продает ромашки.....	41
пытайся острить в фейсбуке.....	42
не выходить из комнаты.....	43
но только Аглая легла.....	44
учительница говорит.....	45
наверное у меня психологические проблемы.....	46

так ли жизнь проходит.....	47
написать колонку о счастье.....	49
Алексу Шварцу.....	50
девушка говорит.....	51
не ходи в темный лес.....	53
параллельные прямые пересекутся в бесконечности.....	54
говорит знаете пишите статьи.....	55
прожить жизнь друг без друга.....	56
под стеклом сигареты.....	57
у тебя будут новые друзья.....	58
как смирительную рубашку.....	59
«Р. Р.».....	60
от койки в Чердыни.....	62
так забудут нашу бедную маленькую жизнь.....	63
пока детство не вернулось.....	64
я так давно пишу не о любви.....	65
зачем тебе помнить Киев восьмидесятых.....	66
советские радиолампы.....	67
говорить о неважном в черно-белом формате.....	68
кто составляет списки.....	69

где искать противогаз.....	70
у тебя некоммуникабельный характер.....	71
мы будем жить в квартире с ковром на полу.....	72
как бы ни прожил свою жизнь.....	73
не то чтобы поэзия.....	74
Fraternite.....	76
первый поэт страны.....	77
считаете ли вы декаданс поэзией.....	78
кто знал что когда-нибудь надоест слушать Вертинского.....	79
самые ненужные мысли приходят в голову.....	80
в метро полонез Огинского.....	82
и ситчик в синий горох.....	83
любил ли писатель свою Лару.....	85
и Плещеев ел киевскую выпечку.....	86
В. Н.....	87
abrupt transition.....	88
венгерский поэт Стефан.....	89
вот говорит Андре.....	90
десять лет война.....	91
вино и косметика.....	93

обойдемся без этой искренности последней.....	94
делать кораблики из книг.....	95
как будто мы и не рождались вовсе.....	96
словно жена Лотова у лотка с яблоками.....	99
нет говорит никто никому.....	100
нет я не помню.....	101
Врубель устроился на вредное производство.....	102
так что ехала-ехала и не приехала.....	103
никому не говори о короткой тропинке.....	104
откусили мишке Паддингтону лапу.....	106
вот тебе гадкий утенок.....	108
мы жили в Грассе.....	110
мой дядя Курчатов.....	111
закольцевал бы жизнь.....	113
так и катится фургон.....	115
dolly out.....	117
да и не жарко у нас.....	122
нет попомни мое слово.....	124
иностраннный шпион оказался девицей из Лодзи.....	125
от сердечной недостаточности любви.....	126

у императора ромеев корона из черного аконита.....	128
вот и оттепель твоя заканчивается.....	129
все эти мальчики девочки.....	130
черная-черная рука уже нашла твой подъезд.....	131
Амалия едет в своем шарабане в Рязань.....	133
если не умерла.....	134
на Рим падает снег.....	135
вся классика литературы.....	138
Эффи ну что ты лежишь в этой колыбели.....	139
вода щекочет щиколотки.....	140
наша земля полна пыли.....	141
не пей воду.....	142
они теперь проступят сами.....	144
дома у нас печальны.....	147
я бы раздосадовался.....	149
до блокады уже ничего.....	150
средневековые мастера хотят показать все.....	151
в общем-то всё тлен.....	152
лишнее су на фиакр не потратили.....	153
в окне твоём бетонные коробки.....	155

девочки-девочки за сколько нужно записываться на маникюр.....	156
что тебе Гретхен.....	158
расскажи где находится аварийный выход.....	160
стресс избывает депрессию.....	161
это говорит твое Черное море.....	162
properties	163

Ольга Брагина
ФОНОВЫЙ СВЕТ

Директор издательства — Т. Ретивов
Дизайнер — С. Пионтковский
Художник обложки — А. Ройтбурд
Оригинал-макет — Н. Шемет

ИД№ 5016 от 24.11.2015 г.
Издательство «ФОП Ретівов Тетяна»
01001, г. Киев,
ул. Малая Житомирская 8, оф. 3
Тел. (+38) 096-53-85-115

Отдел продаж
Kauala@ukr.net

Формат 84 x 60 / 16
Усл. печ. л. 11,39. Подписано в печать 20.04.2018
Заказ №